

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 18 № 3 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издаётся с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Главный редактор

Бакhtикиреева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан
Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Россия

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канагараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Россия

Ламажса Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Маслова Валентина Араамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранскат Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, доктор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом культурной антропологии южных осетин, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Россия

Хухури Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 01.09.2021. Выход в свет 11.09.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 7,90. Тираж 500 экз. Заказ № 625. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 18 No. 3 (2021)

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhambet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Prof. Zakhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Madina V. Tlostanova, Linköping University, Sweden

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Science Citation Index (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА / LANGUAGE IN SYSTEM

- Валентинова О.И., Рыбаков М.А.** Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) / **Valentinova O.I., Rybakov M.A.** Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (Part 2) 234

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Валуицева И.И., Филатов И.Е.** Разработка программы ASR для распознавания вариантов русского языка / **Valuitseva I.I., Filatov I.Y.** Design of ASR Software for Recognition of the Russian Language Variants 245

- Хилханова Э.В.** Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей / **Khilkhanova E.V.** The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Language Competencies 255

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Хугаев И.С.** «Имам, не ходи в Грозную»: о главной мысли исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек» / **Khugaev I.S.** “Imam, don’t go to Groznaya”: on the Fundamental Idea of the Historical Novel “The Wild Terek” by Hadji-Murat Muguev’ 268

- Бильченко Е.В.** Транскультурные и литературные измерения эволюции феминизма: La Jouissance versus Καθαρση / **Bilchenko Ie.V.** Transcultural and Literary Measurements of Evolution of Feminism: La Jouissance Versus Κάθαρση 277

- Shcherbak N.F.** Diversity of Genre in Post-Colonial Literature / **Щербак Н.Ф.** Проблема-тика жанра в постколониальной литературе 295

АРСЕНАЛ / ARSENAL

- Юе Цюй.** Московские годонимы: способы представления лингвокультурной информации в топонимической базе данных обучающего типа / **Yue Qu.** Moscow Hodonyms: Representation of Linguo-Cultural Information in the Toponymy Training Database 301

- Гринберг С.А.** Преподавание русского языка как иностранного в высших учебных заведениях Республики Беларусь в условиях близкородственного билингвизма / **Grinberg S.A.** Russian as a Foreign Language Teaching in a Higher Educational Establishment of the Republic of Belarus in Conditions of Closely Related Bilingualism 310

СОБЫТИЯ / EVENTS

- Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В.** Межрегиональный научный семинар «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» / **Borgoiakova T.G., Guseinova A.V.** Interregional Scientific Seminar “Preservation and Development of Siberian Indigenous Languages and Cultures” 316

- Kulieva Sh.A.** “Language in Culture and Society”: VIII Annual Conference / **Кулиева Ш.А.** «Жизнь языка в культуре и социуме»: VIII ежегодная конференция 322

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244

Научная статья

Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая)

О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Цель, которую ставят перед собой авторы статьи, состоит в том, чтобы установить причинно-следственные связи между системной детерминантой языкового типа и его частными специфическими чертами на уровнях фонетики, морфологии и синтаксиса. Объектом исследования выбраны агглютинативный и флективный типы языков, лежащие между предельными проявлениями близости и отдаленности индивидуальных сознаний. В своей работе авторы опираются на системную методологию детерминантного типологического анализа, разработанную в 1960—1970-х годах основоположником современной системной лингвистики профессором Геннадием Прокопьевичем Мельниковым. Понимание системных отличий языков различного типа значимо не только для лингвистической теории, но в не меньшей мере для исследования взаимодействия языков в сознании билингвальной (мультилингвальной) личности и совершенствования практики преподавания языков в транскультурной среде.

Ключевые слова: билингвизм, агглютинация, грамматика, морфологическая классификация, мультилингвизм, славянские языки, системная типология, тюркские языки, флективность

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Информация о финансировании:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

© Валентинова О.И., Рыбаков М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244

Scientific Article

Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (Part 2)

O.I. Valentinova, M.A. Rybakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The goal that the authors of the article set for themselves is to specify causal relationships between the systemic determinant of a linguistic type and its particular specific features at the levels of phonetics, morphology and syntax. The object of study is the agglutinative and inflectional types of languages that lie between the limiting manifestations of proximity and remoteness of individual consciousnesses. In their work, the authors rely on the systemic methodology of determinant typological analysis, developed in the 1960s — 70s by the founder of modern systems linguistics, Professor Gennady P. Melnikov.

Key words: bilingualism, agglutination, grammar, inflection, morphological classification, multilingualism, systemic typology, Slavic languages, Turkic languages

Article history:

Received: 14.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project № 19-012-00014 “Reconstruction of conceptual fields of systemic linguistics”.

For citation:

Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. “Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (Part 2)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 234–244. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244

Введение

Одной из проблем преподавания русского языка в полиэтнической среде является все еще встречающееся представление о грамматике как таком уровне языка, который строится по универсальным правилам и имеет различия лишь в оформлении категорий и способов синтаксической связи. В свете такого подхода формирование билингвизма представляется как наложение новой кодовой системы на уже существующую с установлением прямых соответствий знаков одной системы знакам другой. И хотя системная лингвистика давно показала, что межъязыковые различия не сводятся к различиям только внешней формы, но во многом определяются различиями внутренней формы, конкретные параметры таких различий требуют более детального теоретического анализа, а практика формирования билингвального сознания — внедрения методики, основанной на понимании принципиального различия не просто формальных правил, а содержания грамматики языков различного типа.

В первой части нашего исследования, опубликованной в предыдущем номере журнала «Полилингвильность и транскультурные практики», мы отмечали, что представления о грамматике языков как об универсальном уровне языковой системы со специфическим оформлением языковых категорий и синтаксической связи является проблемной зоной преподавания русского языка в полиэтнической среде. Мы продемонстрировали, что формирование билингвизма не сводится к наложению новой кодовой системы на уже существующую, а межъязыковые связи определяются в первую очередь различиями внутренней формы взаимодействующих языков, так как грамматики языков различного типа апеллируют к различному содержанию.

Мы пришли к выводу, что обусловленность сингармонизма агглютинацией имеет следующее системное объяснение: фонетические процессы детерминируются приспособлением звуковой субстанции к наиболее эффективному выполнению задач двух типов — различения морфологических единиц и их синтагматического соединения. Продолжим наши рассуждения.

Обсуждение

Синтаксические свойства агглютинативного строя

Коллекционностью словоформы определяются и синтаксические свойства агглютинативного строя:

словоформы в агглютинативных языках являются коллекционными,
т.е. актуально набираются из морфем, а служебные элементы используются
в словоформе экономно

если вся служебная информация понятна из контекста,
служебные элементы могут не использоваться

каждый корень должен быть способным функционировать
как самостоятельное слово

закрепленность словоформы с помощью морфем за формальными разрядами,
противопоставленными друг другу (например, по роду),
не позволяла бы корню освобождаться от таких морфем,
когда контекстуально эта информация избыточна

в агглютинативных языках отсутствуют классные показатели

отсутствие выражения отношений между словами в предложении
с помощью морфем можно компенсировать порядком слов, позиционно;

достаточно твердый порядок слов, относительная бедность согласующих
(реляционных) морфем при большом числе деривационных служебных
морфем (варьирование лексического значения корня без служебных элементов
возможно только за счет расширения контекста)

числи типов реляционных отношений в предложении сводится к минимуму
и эти отношения выражаются по возможности позиционно:
определятельные, обстоятельственные и объектные отношения сводятся к
разновидностям атрибутивных отношений, которые выражаются постановкой
атрибута рядом с уточняемым словом или цепочкой слов

возможность позиционного наращивания атрибутов к сказуемому
позволяет в пределах простого предложения выражать сложную мысль

использование сложноподчиненных предложений становится практически
не нужным

наиболее полно предложение в языках такого типа должно быть
представлено в виде схемы

Т Р

при $P = T' + A^1, A^2, A^3 \dots$

Т (тема) — название исходного образа;

Р (рема) — образ, являющийся видоизменением исходного образа;

Т' — повторенная тема;

A¹, A², A³... — необходимое количество атрибутов к повторенной теме.

как тема, так и рема может состоять из синтаксически однородных
конструкций — атрибутивных цепочек

Так детерминантный анализ позволяет представить особенности формы языкового типа, проявляющиеся на разных уровнях — фонетическом, морфологическом, синтаксическом — как цепи причинно-следственных последовательностей, исходящих от внутриязыковой причины причин — внутренней детерминанты, которой для агглютинативных языков становится коллекционность словоформы, устойчивость которой поддерживается экстралингвистическими факторами, то есть внешней детерминантой. Агглютинация формируется в культурно однородных сверхбольших языковых коллективах кочевников, для которых свойственен сезонный режим общения. Собираясь вместе, члены языкового коллектива уточняют, как изменились свойства *известных всем субъектов и объектов* за то время, пока они не виделись друг с другом.

Исследователь билингвизма У.М. Бахтикиреева, показывая сложность структуры билингвальной языковой личности, приводит в качестве примера размышления казахского поэта, переводчика и культуролога А. Кодара о трудностях творчества на другом языке, связанных с необходимостью замены всей системы средств выражения, отчуждения от всего привычного в родном языке [1. С. 19].

Типологические черты флективных языков

Как подчеркивал И.А. Бодуэн де Куртенэ, человек, говорящий на флективном языке, стремится на любом этапе построения высказывания так или иначе намекнуть, предсказать, какими могут, а какими не могут быть характеристики элементов последующих звеньев речевого потока, тогда как говорящий на агглютинативном языке старается, наоборот, не предсказать, а напомнить характеристики элементов предшествующих звеньев [2. С. 103—107].

В системной лингвистике установлено, что внешней детерминантой (базовой системной функцией) языков флективного типа является обеспечение эффективности языковой техники в таких условиях общения, в которых для постоянного обмена общественно полезным опытом возникли и стали непрерывно увеличиваться серьезные препятствия, связанные с расширением территории проживания языкового коллектива на благоприятных для земледелия равнинных просторах. «Будучи привязанным к своему хозяйству, к пашне и скотине, земледелец может узнать или сообщить что-либо важное в основном при общении лишь с ближайшими соседями, а сведения от соплеменников из удаленных краев разросшейся земледельческой общности могут быть получены только через очень длинные цепи ретрансляции новостей из уст в уста, от соседа к соседу» [3. С. 10]. При таких коммуникативных условиях возникает необходимость уберечь передаваемую информацию от искажения, от возникновения эффектов «испорченного телефона».

В указанных условиях члены коллектива сохраняют общность фоновых знаний на уровне социального опыта, но испытывают дефицит информации относительно происходящих событий в различных частях территории и даже относительно самого факта каких-либо событий. Поэтому для сохранения единства макроколлектива в условиях его распространения по значительной территории необходимо передавать всю текущую социально значимую информацию всем членам коллектива, хотя бы опосредованно.

Эти внешние для языка как коммуникативной системы задачи формируют его внутреннюю детерминанту — базовую причину, определяющую характерные черты субстанции и структуры языка. Во флективных языках такой базовой причиной оказывается тенденция к развитию «предсказательной» (по И.А. Бодуэну де Куртенэ) техники сообщаемой информации, одним из главных следствий которой является «выработка средств и приемов “вписывания” передаваемого содержания в реальный или хотя бы в метафорический сюжет развивающегося события» [3. С. 11].

Внутренняя детерминанта флективного языка требует, чтобы инициатор беседы ввел собеседника в тему беседы, актуализовав у него многочисленные общие для обоих участников коммуникативного акта родо-видовые образы, для чего потребуются «сравнительно длинные знаки, иначе их трудно было бы отличать один от другого». При выражении наиболее часто напоминаемых смыслов языку выгодно иметь «морфемы с несколькими совместнозначными семемами» [4. С. 170]. Дальнейшим следствием данной детерминанты является накопление в языке большого числа «заготовленных» лексем различных вариантов «облика лексемы в зависимости от ее типичных функций во фразе» [4. С. 171].

Внутренняя детерминанта флективных языков также была охарактеризована как «принцип экономного выражения комбинаций служебных значений» [5. С. 57]. Следствиями этой детерминанты является «обилие служебных монем и наличие нескольких служебных значений в каждой из них, возможность приклеивания служебных монем к корню» [5. С. 57—58].

По Мельникову, канон внутренней формы флективного языка заключается в наличии тенденции по возможности любое сообщение представлять через внешнюю форму предложения, номинативный смысл которого представляет собой образ развивающегося события, «поэтому смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.д. — все это обусловлено потребностью дать слушающему возможность без труда догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий» [6. С. 58].

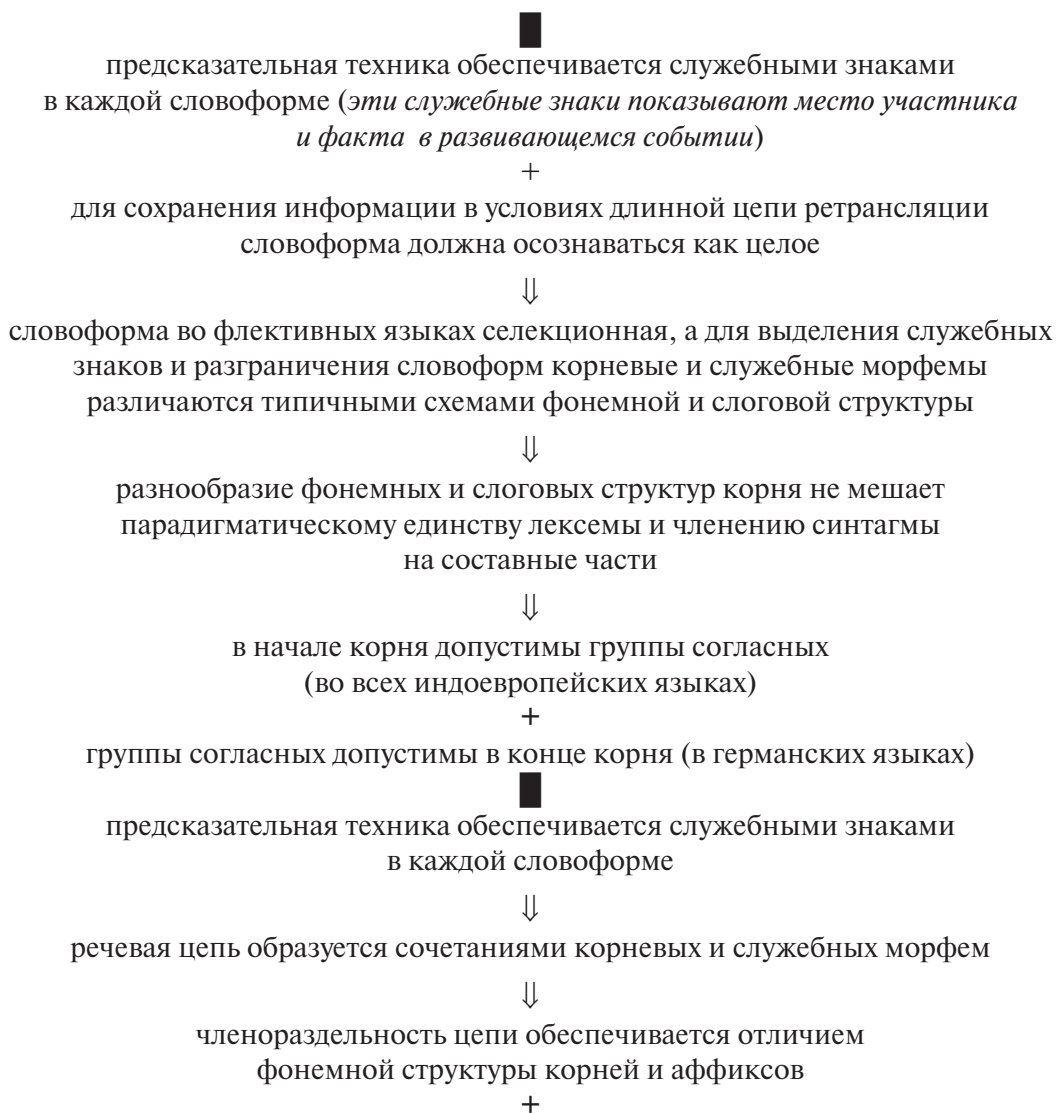
Детерминантный анализ субстантных особенностей флективных языков

Мы уже отмечали, что общение на флективном языке основывается на предварительной заготовленности знаков, когда готовая словоформа, отвечающая коммуникативному замыслу говорящего, выбирается (а не набирается, как в агглютинативных языках) из парадигмы как системы возможностей. Эти заранее заготовленные знаки способны выражать любые социальные смыслы, то есть смыслы, которыми владеют все носители языка до какого бы то ни было факта общения. Такова причина, по которой во флективных языках существенно увеличивается число морфем, обозначающих основные узуальные смыслы, и число совместнозначных и многознаковых морфем, выражающих грамматические значения. Поэтому, когда надо выразить определенный грамматический смысл и для выражения этого смысла используется морфема, она выражает не только этот грамматический смысл, но и часто иные грамматические значения. Возникает

функциональная избыточность значений, которая приводит к редукции внешней формы морфем флективного языка. Экономное варьирование в неслужебных морфемах достигается внутренней флексией и использованием ударения для самого экономного изменения грамматического значения слова.

Наличие парадигмы заранее заготовленных словоформ приводит к фузии как способу соединения морфем в лексемах, обеспечивающему целостность слова. Необходимость — в условиях взаимной осведомленности членов флективного языкового коллектива только на уровне социальных смыслов — вместить в одну лексему большое число семем, требует, помимо внутренней флексии, и аффиксации, но в экономной — фузионной — разновидности.

Таким образом, типологические особенности флективных языков также получили в системной типологии детерминантное объяснение, которое можно представить в виде следующей цепи причин и следствий:

при избыточности аффиксов возможна утрата некоторыми из них фонетической и семантической самостоятельности (возможно фузионное соединение с основой вплоть до поглощения аффикса корнем в диахронии)

фузия обеспечивает экономное выражение служебных значений
+

единство словоформы не требует гармонии гласных

предсказательная техника при условии длинных сетевых и линейных связей между участниками коммуникации

коллекционность словоформы
(*позволяет соотносить словоформу с лексемой*)

подвижность фонетических границ внутри словоформы (опрошение и переразложение) и различная степень семантической самостоятельности морфем

фонетически непозиционное варьирование гласных и согласных в корнях и аффиксах

появление нестандартных форм и парадигм

фонетически непозиционные чередования гласных (иногда и совместно с согласными) могут выступать в качестве грамматического способа словоизменения — внутренней флексии

морфологические чередования в аффиксах способствуют фонетической взаимной адаптации частей словоформы и ее фонетическому единству и выделимости в потоке речи

предсказательная техника обеспечивает селекционность словоформы

подвижность всех звеньев в словоформах одного слова

фонемная и слоговая структура словоформы обеспечивают гибкость морфологической структуры

эксплицитное указание на синтаксические связи в высказывании

синтаксическая структура высказывания освобождается от элементарных задач по выражению связей между элементами ситуации (уже выполненных морфологическими знаками)

синтаксическая структура высказывания имеет широкие возможности для представления любой ситуации по канонической схеме развивающегося события

возможность упаковать любую информацию в приемлемом для слушателя виде в условиях, когда говорящий недостаточно осведомлен об информированности собеседника на уровнях ниже общих фоновых знаний,

возможность скорректировать и не исказить свой замысел по мере развития высказывания / диалога

Заключение

Внутренняя детерминанта языковой системы определяет не только характер структурных связей между элементами различных ярусов, но и саму *субстантивно-структурно-функциональную* природу этих элементов.

Агглютинативные и флективные языки имеют отличия не только в характере связи между морфемами (агглютинация — фузия) и не только в характере синтагматических фонетических процессов (сингармонизм — разнообразие фонемных типов слова), характере синтаксических связей (примыкание определения — согласование определения), но и в самой сущности основных языковых единиц, в том числе словоформы.

Таким образом, под словоформой следует понимать различные по способу существования в языке единицы.

Понимание причин и особенностей соотношения агглютинативной и флективной языковых систем имеет и теоретическое, и прикладное значение, актуализированное текущей социально-политической и культурной ситуацией на территории распавшегося Советского Союза, поскольку и сегодня именно агглютинативно-флективный билингвизм, формируемый флективным русским языком и агглютинативными языками коренного населения России и бывших союзных республик (якутским, тофаларским, тувинским, хакасским, алтайским, телеутским, сибирско-татарским, татарским, башкирским, каракалпакским, уйгурским, казахским, киргизским, узбекским, туркменским, азербайджанским, кумыкским, гагаузским), остается на этом пространстве наиболее распространенной разновидностью билингвизма. Изучение феномена билингвизма и связанных с ним явлений духовной культуры и проблем адаптации его субъектов с позиций системной типологии языков, а значит, на основе понимания — определяемых одним единственным свойством (внутренней детерминантой) — особенностей каждого уровня языка и принципа согласования уровней между собой внутри каждой типологически особенной системы и их соотношения между разными системами,

позволяет рационально объяснить мироощущения и переживания другого народа и приобщиться к ним: «Кочевник заинтересован, прежде всего, в сведениях о признаках, которые в масштабах истекшего периода получают социальную окраску — значимых, существенных, достойных того, чтобы о них знало все общество. И в этом отношении они близки к сведениям, передаваемым языковыми средствами в большом однородном оседлом коллективе с его флективной техникой. Разница состоит в том, что киргиз / казах «собирает» словоформу <...> для каждого конкретного случая. Коллекционность морфем предоставляет возможность слушателю в акте коммуникации получать постоянно обновляющуюся новыми свойствами и признаками информацию об объекте» [1. С. 20]. Следовательно, например, такие нестандартные для русского языка речевые средства, как причастные и деепричастные формы, способны передать статику и континуум развития действия в тюркских языках, а значит, их употребление может оказаться необходимым и оправданным, хотя носителями обоих языков они будут восприниматься как странные [1. С. 20]. Понимание предлагаемой системной лингвистикой внутренней логики соотношения морфологического типа языка с предпочтительным в языке грамматическим способом и характером взаимодействия морфем углубляет понимание этнопсихологических особенностей билингов. Сознание двуязычного человека не переключается с одной языковой системы на другую, а совмещает обе системы, выражая средствами одной языковой системы мироощущения другой, первичной для него системы: средствами флективного языка может выражаться статичность агглютинативного языка, сосредоточенного на признаках общеизвестных субъектов и объектов, так же, как средствами агглютинативного языка может выражаться динамическая событийность флективного. Непривычность форм имеет самую широкую амплитуду восприятия: может осознаваться как образ в художественном тексте и как ошибка — в повседневной жизни. По сути, семиотически достоверное соотнесение культурных кодов «землепашцев» и «кочевников», успешность преподавания и, как следствие, успешность обучения во флективной или агглютинативной языковой среде невозможно без опоры на данные системной лингвистики.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественно-го текста писателя-билингва: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
3. Мельников Г.П. Где центр глубинной евразийской культуры? Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2011. № 1. С. 6—14.
4. Мельников Г.П. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979—1980). М., 1980.
5. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 45—73.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков. Синтез морфологической классификации языков со стадальной. Курс лекций. М., 2000.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2005. Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelja-bilingva. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philology. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia. Print. (In Russ.)
2. Baudouin de Courtenay, I.A. 1963. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju. Vol. I. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Mel'nikov, G.P. 2011. "Gde centr glubinnoj evrazijskoj kul'tury? Idei evrazijsstva v svete dostizhenij sistemnoj tipologii jazykov". Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of Language. Semiotics. Semantics 1: 6—14. Print. (In Russ.)
4. Mel'nikov, G.P. 1980. Konspekt lekcij po kursu «Vvedenie v jazykoznanie» (1979—1980) Moscow. Print. (In Russ.)
5. Mel'nikov, G.P. 1969. "Jazykovaja stratifikacija i klassifikacija jazykov". In Edinicy raznyh urovnej jazyka i ih vzaimodejstvie. Pp. 45—73. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Mel'nikov, G.P. 2000. Sistemnaja tipologija jazykov. Sintez morfologicheskoj klassifikacii jazykov so stadial'noj. Kurs lekcij. Moscow. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. E-mail: valentininova_oi@pfur.ru ORCID 0000-0002-8510-8701; elibrary SPIN 6986-9081.

Рыбаков Михаил Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. E-mail: rybakov_ma@pfur.ru ORCID 0000-0001-9444-3889; elibrary SPIN 6890-7000.

Bio Note:

Olga I. Valentinova is a Doctor in Philology, professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: valentininova_oi@pfur.ru ORCID 0000-0002-8510-8701; elibrary SPIN 6986-9081.

Mikhail A. Rybakov is a Candidate in Philology, associate professor of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: rybakov_ma@pfur.ru ORCID 0000-0001-9444-3889; elibrary SPIN 6890-7000.

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-245-254

Научная статья

Разработка программы ASR для распознавания вариантов русского языка

И.И. Валуйцева, И.Е. Филатов

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. В статье впервые затрагивается проблема распознавания вариантов русского языка на уровне речи. С развитием и ростом популярности технологий автоматического распознавания речи (ASR) в настоящее время все больше внимания уделяется проблемам, связанным с непригодностью современных приложений к работе с нестандартными разновидностями языка. Этот вопрос особенно актуален для русского, который, вопреки устоявшемуся положению о его однородности, в действительности представлен множеством отличных от стандарта форм, имеющих в большинстве случаев широкое распространение в различных регионах России и мира. Изучение различных аспектов взаимодействия алгоритмов ASR с нестандартными разновидностями русского языка, а также существующих подходов к созданию ASR-продукта, умеющего обрабатывать такие идиомы, сегодня представляется актуальным направлением лингвистических исследований. Цель данной работы заключается в подробном анализе методов разработки ASR-систем, способной выполнять задачи по распознаванию и обработке образцов речи носителей, отличных от нормы вариантов русского, что может способствовать дальнейшему исследованию данной проблемы. В качестве материала исследования используется программный интерфейс приложения для автоматического распознавания речи SOVA ASR, а также выборка аудиозаписей речи носителей центральноазиатского и украинского вариантов русского языка, соответствующие им тексты транскрипций. Применяются такие методы исследования, как анализ и систематизация специальной литературы, сбор данных, качественный и количественный анализ, эксперимент и анализ полученных результатов.

Ключевые слова: автоматическое распознавание речи, обработка естественного языка, варианты русского языка, региолект, классификация вариантов русского языка для ASR

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.05.2021

Дата принятия к печати: 10.07.2021

Модератор: О.А. Валикова

© Валуйцева И.И., Филатов И.Е., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Валуйцева И.И., Филатов И.Е. Разработка программы ASR для распознавания вариантов русского языка // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 245—254. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-245-254

Research Article

Design of ASR Software for Recognition of the Russian Language Variants

I.I. Valuitseva, I.Y. Filatov

Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy St., Mytishi, 141014, Russian Federation

Abstract. The article first touches on the problem of speech recognition of Russian language variants. With the development and growing (ASR) popularity of the automatic speech recognition (ASR) technology, more and more attention is now being paid to the problems related to the incompatibility of modern applications to work with non-standard language varieties. This question is especially relevant for Russian, as it is, contrary to the conservative statement about its homogeneity, represented by many forms that differ from the standard one, which generally have a wide distribution in various regions of Russia and throughout the world. The study of various aspects of the interaction of ACER algorithms with non-standard varieties of the Russian language, as well as existing approaches to creating an ASR product that can process such idioms, today seems to be an urgent direction. The aim of the work is to analyze in detail the methods for developing ASR systems capable of performing the task of recognizing and processing speech samples of speakers of Russian language forms different from the standard, which may contribute to further research on this topic. The research material is based on the software interface of the SOVA ASR application for automatic speech recognition, as well as a selection of audio recordings of speech of native speakers of the Central Asian and Ukrainian versions of Russian, and the corresponding transcription texts. The research methods such as the study and analysis of specialized literature, data collection for subsequent software processing, qualitative and quantitative analysis, and experimental data are used.

Key words: automatic speech recognition, natural language processing, Russian language variants, regiolect, classification of Russian language variants for ASR

Article history:

Received: 14.15.2021

Accepted: 10.07.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Valuitseva I.I., and I.Y. Filatov. 2021. “Design of ASR Software for Recognition of the Russian Language Variants”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 245–254. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-245-254

Введение

Русский язык, являясь одним из самых распространенных языков мира, сегодня используется миллионами людей в повседневном общении. Традиционно принято считать, что русский — однородный язык, однако даже у него существует определенное количество разновидностей: язык носителей различается по фонетике, лексике и по другим аспектам. Подобные различия зачастую становятся теми самыми факторами, которые могут создавать сложности для русскоговорящих пользователей при работе с различными ИТ-средствами. Так, например, быстро развивающаяся и популярная в настоящее время технология автоматического распознавания речи (ASR) является одной из тех областей индустрии, где можно наблюдать проблемы, возникающие при обработке локальных вариантов языка: местных говоров, койне, региональных диалектов, акцентов. Актуальность данной проблемы растет вместе с количеством пользователей различных сервисов ASR по всему миру.

Разрешение же данного вопроса, однако, представляется довольно трудным. Языковая среда носителей русского языка действительно разнообразна, но как в академической сфере, так и в коммерческой отсутствует достаточное количество информации о характеристиках тех или иных форм языка, распространенных в определенных сообществах.

Тем не менее сегодня в руках исследователей имеются данные и инструменты, способные обеспечить подходящие условия для реализации такой системы, которая была бы способна распознавать речь носителей вариантов русского языка, отличающуюся от литературного стандарта.

Обсуждение

Варианты русского языка и принципы их выделения

Для русского, как и для любого живого языка, характерно динамическое развитие, определяемое социальной и политической ситуацией.

Сегодня вариативность и подвижность нормы современного русского языка нередко становятся объектами исследований лингвистов. Этот вопрос изучается специалистами всесторонне, однако зачастую акцент делается на таких положениях, как формирование вариантов национального языка, выделение отдельных разновидностей языка, их характеристики и отношения друг с другом, определение концепций койне и региолекта в парадигме идиомов русского языка. В конечном счете открытым остается вопрос о статусе русского языка как полинационального, что создает еще больше дискуссий не только в языкознании, но и в политике и социологии [1. С. 16–26].

Сегодня классическое деление русского языка на северорусское, южнорусское наречия и среднерусские говоры представляется неактуальным, если рассматривать его как классификацию, которую целесообразно применять в прикладных задачах: более или менее очевидные черты диалектов можно найти лишь в устной речи жителей сельской местности на некоторой части Европейской территории РФ. Фонетические и лексические различия диалектов зачастую незначительны для алгоритмов, используемых в сфере обработки естественного языка — по крайней мере, нельзя сказать, что у систем NLP возникают проблемы при работе с языком носителя того или иного наречия русского языка. Неразумно отрицать и тот факт, что не все формы русского языка одинаково хорошо обрабатываются компьютером.

Если говорить о прикладных типологиях вариантов русского языка для систем автоматического распознавания речи, то нужно отметить, что классификация должна быть более обширной и разнообразной, а характерные черты ее элементов должны определяться не только на лексическом уровне. Речь идет в первую очередь о локальных вариантах русского языка, разговорная речь носителей которых значительно отличается от стандартных наречий.

Из уже имеющихся в отечественной лингвистике понятий под подобное описание больше всего подходят региолекты. Несмотря на то, что данный термин является довольно спорным, ему трудно дать четкое определение, обычно языковые явления, описываемые с использованием этого понятия, представляют собой отдельные разновидности языка, характерные свойства которых очевидны для других носителей. Региолекты по своей сути являются территориальными койне, а использование отдельного термина для обозначения данного типа языка может быть мотивировано тем фактом, что ситуация с вариантами русского языка не похожа на таковую в других мировых языках [2. С. 55].

По ряду характеристик под описание региолектов русского языка подходят территориальные варианты русского языка в государствах постсоветского пространства. Эти идиомы не сформировали национальных языков в республиках бывшего СССР, но они функционируют в этих странах так же, как и региональные койне русского языка на территории РФ. К числу таких вариантов относят, к примеру, русский язык Украины, Казахстана и других стран ближнего зарубежья [3—5].

Стоит отметить, что с развитием региональной лингвистики появилось достаточно большое количество научных работ, посвященных региональному русскому языку, однако зачастую лингвистами описываются почти идентичные либо очень схожие формы языка, характерные для носителей, проживающих на разных территориях, — речь идет как о республиках-соседях и близких регионах в составе РФ, так и о независимых государствах с высокой долей русскоговорящего населения. Действительно, конкретизация идиомов обладает немалой академической ценностью, но порой локальность вариантов означает их невысокую распространенность, и знания о них не представляются полезными в практических задачах [6. С. 40—214].

В области ASR такая ситуация обусловлена двумя положениями. Во-первых, работа с местными вариантами русского языка, которыми пользуются довольно ограниченные группы людей, не несет никакой выгоды предприятиям, заинтере-

ресованным в создании более доступного продукта. Учитывая количество таких малораспространенных форм, можно утверждать, что их анализ и обработка — процесс, который занимает довольно много времени и труда, что вряд ли представляет интерес для компаний, так как подобные затраты не способны себя окупать — целевая аудитория пользователей не настолько широка. Во-вторых, говоря о разработке систем автоматического распознавания речи, мы прежде всего подразумеваем подходы, основанные на алгоритмах машинного обучения. Такой способ разработки требует привлечения огромного количества специально созданных данных, высокой продуктивности, мощности машин, обрабатывающих эти данные, а также довольно сложных алгоритмов.

Именно поэтому для работы с системами ASR разумнее применять данные по менее конкретным и более распространенным вариантам. Предполагается, что разделение форм языка в приложениях для автоматической обработки речи будет только вредить подобным программам; характерными признаками идиомов можно пренебречь, рассчитывая на то, что недочеты в обучении будут решены оптимизационными алгоритмами. Процесс обучения ASR представляется более простой задачей, если речь идет об использовании материала разнообразных и широко распространенных вариантов. Так, например, для разработки ASR, способной анализировать несколько популярных разновидностей русского языка, можно объединить формы языка, на которых говорят, например, в республиках Северного Кавказа, на Урале, в странах Центральной Азии.

Классифицировать варианты русского языка по признаку его положения в социуме разных регионов достаточно сложно по причине того, что даже в пределах одной страны условия функционирования языка могут сильно отличаться. Так, условно можно выделить четыре разновидности русского языка: русский язык как первый язык носителя в русскоязычной среде (к примеру, большая часть Центральной России); русский как первый язык в иноязычном окружении (агломерации республик России и стран бывшего Советского Союза: Киев, Нур-Султан, Ташкент, Таллин, Махачкала, Владикавказ и др.); русский как неродной язык (постсоветские республики и некоторые регионы России); «островные» варианты русского языка [7. С. 5—7].

Подобная классификация полезна, потому что она показывает современный статус языка. Для прикладных задач, однако, порой такой критерий использовать неудобно. В частности, если рассматривать приложения ASR как массовый и доступный продукт, то это разделение окажется излишним — например, среди пользователей из Таджикистана будут как те, для которых русский является первым, так и те, для кого русский — неродной; а в крупных агломерациях в целевую аудиторию продукта будет входить большое число мигрантов. При создании системы ASR принципиально важно лишь иметь данные о языковой ситуации в определенном регионе, роли русского языка в жизни общества и его взаимодействие с местными идиомами.

Особенности вариантов русского языка и их обработка моделями ASR

Распознавание речи производится через разделение длительных звуковых сигналов на гораздо более короткие, что формирует некоторые малые звуковые на-

боры, в которых с помощью механизмов акустического моделирования воспроизводится определенная последовательность векторов признаков. Задачей языкового моделирования, в свою очередь, является вычисление вероятности конкретных последовательностей элементов — в зависимости от языка это могут буквы, слоги, слова и фразы.

Фонетика вариантов и диалектов языка взаимодействует по большей части с акустическим моделированием; другие особенности разновидностей русского языка, представленные вне его фонетической системы, оказывают влияние на иные алгоритмы приложения ASR.

Например, для украинского варианта русского языка характерны такие черты, как специфическая интонация, высокая частотность ненормативных ударений, нестандартная реализация некоторых фонем. Данные феномены возникают в результате русско-украинской интерференции, а их присутствие в речи носителя данной формы языка отражается на работе алгоритмов акустических моделей.

В Центральной Азии интерференция местных идиомов относительно ограничена, так как русский язык в этом регионе, в отличие от Украины, окружен неродственными языками; можно говорить о том, что формы русского языка в регионе богаты регионализмами и заимствованными из местных языков словами, нехарактерными для других разновидностей русского. При этом такая лексика используется не только полилингвами, но и монолингвами, говорящими исключительно на русском.

Важно уточнить, что данные характеристики вариантов языка относятся к таким свойствам идиомов, реализация которых настолько значительна и заметна, что они влияют на то, как речь обрабатывается современной вычислительной электроникой. С уверенностью можно сказать, что специфика языка жителей Центральной Азии, Украины и других регионов регистрируется сервисами ASR, а их речь, отличающаяся от стандартного русского языка практически во всех аспектах, по-особому интерпретируется алгоритмами NLP. При детальном анализе различных нюансов процесса распознавания речи носителей форм русского языка обнаруживается, что главными причинами некорректной работы ASR в подобных условиях являются такие факторы, как недостаточная оптимизация и ориентированность данных для обучения на приближенную к стандарту разновидность языка.

Способы реализации ASR для распознавания вариантов русского языка

На сегодняшний день в индустрии существует достаточное количество инструментов и методов реализации ASR-приложений, способных распознавать речь носителей нескольких вариантов одного языка. Построение такой системы возможно различными способами.

Одними из наиболее оптимальных и удобных для использования программ ASR являются такие приложения, которые ограничиваются обслуживанием единственного языкового пакета в системе. Такой продукт легче интегрируется в иное программное обеспечение и при этом дает гарантии того, что ASR всегда исполь-

зуют правильный набор алгоритмов для обработки конкретного варианта языка, исключая случаи, когда определенный диалект некорректно распознается моделями, предназначенными для другого идиома.

Сегодня подобные ASR-продукты реализуются с помощью *sequence-to-sequence* моделей, для обучения которых требуются такие переменные, входные данные, включающие в себя параметры всех идиомов, на распознавание которых запрограммирована система. Иной способ создания такого рода приложения предполагает использование различных моделей для нескольких вариантов языка — подходящие для конкретного случая использования программы настройки определяются с помощью специального механизма, который способен узнавать каждый конкретный идиом и подбирать для него требуемые модели [8].

Несмотря на очевидные достоинства, подобные системы обладают очень запутанной структурой и представляются сложными в разработке — они очень требовательны к ресурсам и нуждаются в эффективной оптимизационной составляющей [9].

Более простой и популярный подход к созданию ASR-продукта, способного работать с несколькими вариантами одного языка, — применение индивидуальных языковых и акустических моделей для каждого из идиомов с помощью так называемых пакетов. Такие приложения предлагают пользователям самим выбирать наиболее подходящие для них механизмы распознавания. Так, для распознавания речи на английском языке доступны пакеты для диалектов Великобритании, США, Индии, ЮАР и др.; арабский язык в ASR обычно делится на язык Персидского залива, магрибский, египетский, левантийский варианты. Разделение мотивировано как тем, насколько формы языка различаются между собой, так и тем, насколько востребованным представляется продукт на конкретном рынке.

Подобные приложения, однако, гораздо менее удобны для пользователей. К тому же с многопакетными системами связана актуальная для определенных рынков проблема, когда ASR поставляются с предустановленными параметрами, которые не соответствуют языковой ситуации в регионе дистрибуции программы, что не только является причиной некорректной работы системы с конкретными формами языка, но и оказывает лишнюю нагрузку на облачные серверы. Кроме того, многопакетные модели хуже подстраиваются под малораспространенные, локальные формы, речь носителей которых не включается в обучающий набор данных [10].

Сам процесс разработки подобного рода структур представляется довольно гибким — образование системы подразумевает индивидуальную обработку моделей, что позволяет проще и точнее настроить выбранные алгоритмы на распознавание конкретных языковых форм. Данная особенность многопакетных ASR может оказываться полезной для таких вариантов, которые являются разнородными сами по себе, например, для русского языка Центральной Азии.

Важно понимать, что выбор стратегии построения ASR для распознавания нескольких вариантов языка должен отталкиваться от положения языка и его форм, диалектов, языковой ситуации в регионе. Обучение ASR распознаванию

нескольких форм языка — процесс, требующий большого количества ресурсов, а значит, создание подобных программ должно быть экономически оправданно. Разработка сложных алгоритмов приложения не интересна специалистам ни в академической сфере, ни в сфере самой индустрии ASR, если конечный продукт не востребован среди пользователей.

Эксперимент

Из-за технических и ресурсных ограничений опыт проводился с использованием уже готовых приложений с открытым кодом; система испытывалась на относительно небольшом объеме данных, чтобы создание выборки и ее машинная обработка не занимали много времени, но ее характеристики удовлетворяли бы требованиям эксперимента: в качестве инструмента был выбран программный интерфейс SOVA ASR, а для самого эксперимента был собран репрезентативный набор данных, в который входили 62 аудиозаписи с примерами речи носителей среднеазиатского и украинского вариантов русского языка и соответствующие им текстовые транскрипции.

Стратегия эксперимента предусматривает использование встроженных в программу инструментов для модификации ASR-моделей с помощью датасета, в дальнейшем используемого для тестирования приложения. Тестирование же и анализ работы системы реализуются методом валидации на отложенных данных, оценивания по алгоритму WER, а также самостоятельной ручной обработки полученных в ходе распознавания данных.

На основе проведенного эксперимента мы пришли к выводу, что обучение одних и тех же моделей распознаванию разных форм языка не принесет удовлетворительных результатов, если в структуре системы отсутствуют развитые оптимизационные алгоритмы; разумнее использовать многопакетный подход или механизм определения диалекта; наличие нормализованных и стандартизованных данных в выборках для обучения и тестирования ASR является залогом корректного обучения моделей для распознавания речи.

Заключение

Анализ языковой ситуации в постсоветских государствах показывает, что русский язык еще является распространенным языком на территории республик бывшего Советского Союза. С лингвистической стороны можно говорить о том, что построение многовариантной ASR для данных регионов будет востребовано, однако при образовании такого продукта стоит учитывать и некоторые социально-экономические факторы. Свои достоинства и недостатки имеют все подходы; предпочтительными являются те, которые предполагают использование единого языкового пакета для всех разновидностей языка, но многопакетный подход представляется гораздо более простым в реализации. Дальнейший выбор путей формирования моделей системы, написания алгоритмов приложения должен определяться качеством и доступностью ресурсов для разработки.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* Русский — полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. №. 2. С. 16–30.
2. *Ерина Т.Н.* Теоретические основы изучения регионального варьирования русского языка // Русский язык в условиях би- и полилингвизма: сб. научных трудов / отв. ред. З.Н. Якушкина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 54–57.
3. *Ерина Т.Н., Фомин Э.В.* Говорят Чебоксары: к проблеме изучения чебоксарского диалекта русского языка // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. 2018. Т. 1.
4. *Жеребило Т.В.* Функционирование регионального варианта русского языка в Чеченской Республике // Рефлексия. 2016. № 5. С. 3–102.
5. *Степанов Е.Н.* Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? // Мова. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. 2011. № 16. С. 9–14.
6. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального развития и маркетинга. 2012.
7. *Вахтин Н.Б., Мустайоки А., Протасова Е.* Русские языки // *Slavica Helsingiensia* 40. *Istrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. 2010. С. 5.
8. *Li B. et al.* Multi-dialect speech recognition with a single sequence-to-sequence model // 2018 IEEE international conference on acoustics, speech and signal processing (ICASSP). IEEE, 2018. С. 4749–4753.
9. *Elfeky M. et al.* Towards acoustic model unification across dialects // 2016 IEEE Spoken Language Technology Workshop (SLT). IEEE, 2016. С. 624–628.
10. *Diakouloukas V. et al.* Development of dialect-specific speech recognizers using adaptation methods // 1997 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing. IEEE, 1997. Т. 2. С. 1455–1458.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2014. “Russian is a Multinational Language?”. *Vestnik RUDN. Russian Journal of Linguistics* 2: 16–30. Print. (In Russ.)
2. Erina, T.N. 2019. “Teoreticheskie osnovy izucheniya regional’nogo var’irovaniya russkogo yazyka”. In *Russkii yazyk v usloviyakh bi- i polilingvizma: sb. nauchnykh trudov*. Ed. by Z.N. Yakushkina. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. Pp. 54–57. Print. (In Russ.)
3. Erina, T.N., Fomin Eh.V. 2018. “Govoryat Cheboksary: k probleme izucheniya cheboksarskogo regiolekta russkogo yazyka”. In *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremenniyi vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly*. Vol. 1. Pp. 81–84. Print. (In Russ.)
4. Zherebilo, T.V. 2016. “Funktsionirovanie regional’nogo varianta russkogo yazyka v Chechenskoj Respublike”. *Refleksiya* 5: 3–102. Print. (In Russ.)
5. Stepanov, E.N. 2011. “Natsional’nye varianty russkogo yazyka ili russkie territorial’nye koine?” *Mova* 16: 9–14. Print. (In Russ.)
6. Aref’ev, A.L. 2012. *Russkii yazyk na rubezhe XX–XXI vekov*. Moscow: Tsentr Sotsial’nogo razvitiya i marketinga. Print. (In Russ.)
7. Vakhtin, N.B., A. Mustaioki, and Protasova, E. 2010. “Russkie yazyki”. *Slavica Helsingiensia* 40: 5. Print. (In Russ.)
8. Li, B. et al. 2018. “Multi-dialect speech recognition with a single sequence-to-sequence model”. In 2018 IEEE international conference on acoustics, speech and signal processing (ICASSP) Proceedings. Pp. 4749–4753.
9. Elfeky, M. et al. 2016. “Towards acoustic model unification across dialects”. In 2016 IEEE Spoken Language Technology Workshop (SLT) Proceedings. Pp. 624–628.
10. Diakouloukas, V. et al. 1997. “Development of dialect-specific speech recognizers using adaptation methods”. In 1997 IEEE International Conference on Acoustics, Speech, and Signal Processing. — IEEE Proceedings. Vol 2. Pp. 1455–1458.

Сведения об авторах:

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Филатов Игорь Евгеньевич — бакалавр кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. E-mail: imphilya_com@yahoo.com

Bio Notes:

Irina I. Valuitseva is a Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics at Moscow Region State University. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Igor Ie. Filatov is a Bachelor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at Moscow Region State University. E-mail: imphilya_com@yahoo.com

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Научная статья

Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей

Э.В. Хилханова

Институт языкознания РАН

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28

Аннотация. В статье рассматривается российская этническая миграция на примере бурятских мигрантов в Западной Европе. Отмечается малоизученность этой темы и принадлежность исследуемой группы к интеллектуальной миграции. Предметом исследования становятся иноязычные компетенции данной группы, особенности функционирования иностранных языков в постмиграционной жизни, а также взаимосвязь между языками и социальным кругом общения бурят-мигрантов. На материалах интервью и этнографического наблюдения делается вывод об изменении характера современной миграции в сторону усиления мобильности и трансмиграции, стирания границ между временной, циркулярной и другими видами миграции. Это влияет в первую очередь на молодежь, ведя к ослаблению групповых идентификационных стратегий, включая этнические, и к усилению индивидуальных и космополитичных тенденций. Многоязычные языковые компетенции бурятских мигрантов тесно связаны с высоким уровнем образования и используются как символический ресурс для реализации профессиональных и личностных целей. Языковые стратегии и практики при этом широко варьируются в зависимости от жизненных планов, семейного статуса мигрантов и ряда других внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: бурятские мигранты, интеллектуальная миграция, Западная Европа, иностранные языки, лингвистические компетенции, дружеские контакты, английский язык, китайский язык

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.04.2021

Дата принятия к печати: 14.06.2021

Модератор: У.М. Бахтикирева

© Хилханова Э.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование:

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

Для цитирования:

Хилханова Э.В. Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 255—267. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Research Article

The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies

E.V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of RAS National Language Relations Research Center
1/1, building 28, B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The article examines the Russian ‘ethnic’ migration on the example of Buryat migrants in Western Europe. It is noted that this topic is poorly studied and that the group under investigation belongs to intellectual migration. The subject of the study is foreign language competence, peculiarities of the functioning of foreign languages in post-migration life, as well as the relationship between languages and the social communication circle of Buryat migrants. Based on the materials of interviews and ethnographic observations, a conclusion is made about the change in the nature of modern migration towards increased mobility and transmigration, the blurring of the boundaries between temporary, circular and other types of migration. This primarily affects young people, leading to the weakening of group identification strategies, including ethnic ones, and to the strengthening of individual as well as cosmopolitan tendencies. In communication with friends and partners a wide repertoire of Western and Eastern foreign languages is used, among which English certainly dominates. Multilingual linguistic competencies by Buryat migrants are closely related to their high level of education and are used as a symbolic resource to achieve professional and personal goals. Language strategies and practices vary widely, depending on migrants’ life plans, family status, and a number of other external and internal factors.

Key words: Buryat migrants, intellectual migration, Western Europe, foreign languages, linguistic competencies, friendly contacts, English, Chinese

Article history:

Received: 14.04.2021

Accepted: 14.06.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project № 21-512-12002 NNIO_a “Forecasting methods and future scenarios for the development of language policy (on the example of the multilingual Russian Federation)”.

For citation:

Khilkhanova, E.V. 2021. “The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 255—267. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267

Введение

Постсоветская миграция из России на запад — тема довольно хорошо изученная, при этом полиэтническая и мультикультурная масса мигрантов из этого региона воспринимается под лейблом «русские» ввиду общего культурно-исторического прошлого и невысокого процентного соотношения представителей нерусских этносов в эмиграционном потоке. В данной статье предлагается посмотреть на российскую миграцию сквозь призму этничности и сделать это на примере одной этнической группы — бурят — и их миграции в страны Западной Европы. Тема бурятской миграции изучена неравномерно: в отличие от миграции на запад, движение бурят на восток, в первую очередь в Монголию и Китай, где ныне живут значительные по размеру бурятские диаспоры, многократно становилась объектом внимания ученых [1; 2].

При этом миграция бурят в Европу редко привлекала внимание исследователей. Существуют лишь единичные работы, в основном в рамках культурной антропологии, этнологии и социологии. В 2007—2008 годы был осуществлен проект по изучению бурятских иммигрантов в европейских странах под руководством австрийского антрополога и этнолога Штефана Криста (Венский университет). Этот проект является наиболее комплексным исследованием бурятских мигрантов на Западе, где данная группа анализируется с точки зрения таких значимых социальных параметров, как образование, религия, язык, социальные связи и т.д. Результаты проекта должны быть вскоре опубликованы в книге “Vater Baikal und seine WeltbürgerInnen: BurjatInnen in Europa: Beiträge zu sozialanthropologischer Migrationsforschung”. Также можно назвать следующие публикации о бурятских мигрантах в Европе: [3—7].

Мы полагаем, что бурятские мигранты являются интересным объектом для миграционных и диаспорных исследований из-за их изначальной этнической и культурной принадлежности к центральноазиатской цивилизации и конкретно к «монгольскому миру» — удобной научной метафоре, используемой для описания исторически сложившегося общего историко-культурного пространства, включающего в себя как огромные территории «исконного» расселения монгольских народов, так и более широкое географическое пространство, вовлеченное в орбиту современных миграций, ранее локализованных в границах Центральной

и Восточной Азии [8. С. 4]. «Бурятский кейс», однако, более сложен, чем миграция из центра современного «монгольского мира» — Монголии — ввиду того, что буряты на протяжении более 350 лет существуют в двойственном историческом контексте, являясь, с одной стороны, частью монгольского мира, с другой — частью России, ощущая себя, соответственно, частью и общемонгольской, и российской истории. При этом, по данным исследования [9], обыденное сознание бурят, их языковые установки за последние три века стали все же ближе к русскому этносу, чем к монгольскому, что еще раз доказывает, что фактор государственности (политический фактор) является определяющим для самоидентификации людей. По-видимому, достаточно смены нескольких поколений (как в случае с бурятами и монголами), чтобы политические границы укоренились и в сознании родственных этносов. Соответственно, бурятских мигрантов можно рассматривать в первую очередь как часть русской эмиграции и затем уже — монгольской.

Цель, методы и объект исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что роль языков в жизни постсоветских «этнических» мигрантов, сферы их использования и детерминированность социальными реалиями в постмиграционной жизни остаются малоизученными. С точки зрения лингвистического репертуара для бурят-мигрантов характерно естественное (бытовое) двуязычие (для тех, кто владеет бурятским языком) и искусственное (учебное) дву- или многоязычие. Целью данной статьи является изучение языковой компетенции исследуемой группы только в иностранных языках (L3-n), функционирования иностранных языков в их постмиграционной жизни, стратегий языкового поведения и обуславливающих их факторов. Также будет рассмотрена взаимосвязь между языками и социальным кругом общения бурят-мигрантов.

Для сбора данных по проекту в 2016 году в течение трех месяцев было проведено полевое исследование в странах Западной Европы, преимущественно в Германии и Франции, с использованием методов глубинного полуструктурированного интервью, включенного наблюдения, а также метода интроспекции. Всего было записано 22 интервью. Полученные сведения и стали материалом для настоящей статьи.

Следует сразу оговорить, что объект исследования ограничен двумя важными и связанными друг с другом характеристиками — высоким уровнем образования исследуемых мигрантов и легальностью каналов миграции. К моменту эмиграции почти все участники полевого исследования имели высшее образование (20 человек), один имел среднее профессиональное образование и одна участница, выехавшая в возрасте 13 лет, на тот момент еще училась в школе.

Это характерно, конечно, не только для бурят-мигрантов: в целом постсоветская миграция отличается от всех предыдущих волн «русской» эмиграции по уровню образования и профессиональных навыков, которые тесно связаны с проблемой «утечки мозгов» из России. К примеру, в США перепись населения 2000 года зарегистрировала очень высокий уровень образования среди прибывших россиян: более половины тех, кому больше 25 лет (52%), имели степень бакалавра и магистра. Только один из четырех американцев имел эквивалентный уровень образования (24%) [10]. В начале 2000-х годов 43% российских мигрантов в странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в возрасте

15 лет и старше имели высшее образование. Для иммигрантов из большинства других стран, включая ОЭСР, этот показатель был ниже (11%).

Таким образом, исследуемая группа представляет собой определенный сегмент в общем эмиграционном потоке, а именно интеллектуальную миграцию. В настоящее время понятие «интеллектуальная миграция» характеризует главным образом процессы выезда ученых и квалифицированных кадров для работы за пределами своей страны. Но единого содержательного определения феномена интеллектуальной миграции в научном дискурсе не существует. Исследователи обычно включают в него трансграничные перемещения научно-технических специалистов, иногда причисляя к мигрантам также творческую интеллигенцию и студентов, получающих образование за рубежом. Наиболее широкая трактовка подразумевает под интеллектуальными мигрантами всех получивших профессиональную квалификацию лиц, находящихся за рубежом более одного года [12. С. 21]. Именно такая — широкая — трактовка интеллектуальной миграции и принята в данной статье. Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии, используемые бурятскими мигрантами, составившими объект нашего исследования, обусловлены принадлежностью именно к такой категории мигрантов и, скорее всего, не могут быть экстраполированы на другие группы, например, неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию.

Обсуждение

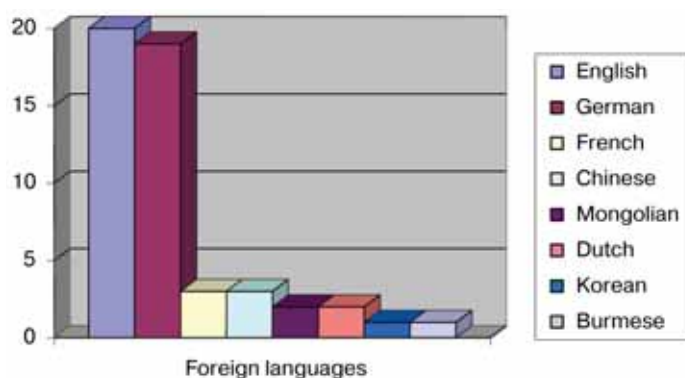
Иностранные языки в лингвистическом репертуаре бурятских мигрантов

Иностранные языки — это именно та область, которая наиболее ярко показывает, как изменился характер миграции, сами мигранты и окружающий мир. Дело в том, что современная миграция становится все более мобильной, открытой и динамичной, по меньшей мере для интеллектуальных мигрантов. Используемая немецкими авторами категория *Zielland* (“destination country”) становится все менее релевантной, так как многие мигранты не приезжают в какую-либо страну с целью осесть в ней. Тем не менее пребывание в той или иной стране оставляет след в языковом репертуаре мигранта тем ощутимее, чем больше лет мигрант провел в данной стране. Так, популярность немецкого языка, которым владели 19 человек из 22 (86,3%), объясняется тем, что 17 информантов из 22 живут в Германии, а такие языки, как французский и датский, отражают пребывание информантов — в настоящий момент или в прошлом — во Франции и в Нидерландах.

Сегодня размываются границы между понятиями «временная миграция» и «циркулярная миграция». Все больше высококвалифицированные мигранты, в том числе и из современной России, начинают обращать внимание на такие факторы, как карьерные возможности, самореализация, достойные жизненные условия (например, медицинское обеспечение, шансы на образование для детей, жилищный комфорт) [13. С. 154]. Более того, и исследование А. Зигерта, и другие исследования показали, что при принятии решения «за» или «против» переселения в определенную страну большую роль играют неденежные мотивы миграции,

а именно: нестабильность, недостаток свободы, nepoтизм, а также коррупция и ограничение свободы слова. Неудовлетворяющая атмосфера для интеллектуальной деятельности на родине, ограниченная свобода действия, социальная неразвитость, дискриминация также являются описываемыми в литературе факторами, которые могут повлечь за собой эмиграцию [13. С. 154].

Среди опрошенных информантов не было тех, кто не владеет в той или иной степени (но, как правило, в хорошей) хотя бы одним иностранным языком, в подавляющем большинстве английским. Статистически в среднем на 22 информанта приходится 52 иностранных языка, т.е. более двух иностранных языков на одного человека (рисунок).

Рисунок. Иностранные языки в лингвистическом репертуаре бурят-мигрантов
Figure. Foreign languages in the linguistic repertoire of Buryat migrants

Дополнение этой общей статистики данными интервью и этнографическим анализом позволяет получить более детальное представление о факторах и мотивах, влияющих на выбор и использование иностранных языков. Лидерство английского языка — современного *lingua franca* — в лингвистическом багаже бурятских мигрантов отражает осознание ими этого факта и выбор соответствующих персональных лингвистических стратегий, позволяющих использовать свои лингвистические компетенции как символический ресурс для реализации профессиональных и личных целей.

В языковых практиках и стратегиях это проявляется по-разному: кто-то учит язык принимающей страны (если это не английский язык, которым почти все мигранты и так владели в той или иной степени еще до иммиграции) только в той степени, чтобы не иметь трудностей в бытовом общении. Такие стратегии поддерживаются и интернациональным кругом общения, где английский является основным (или единственным) языком коммуникации, и тем, что многие континентальные западноевропейские вузы предлагают обучение на английском языке. Есть и другие практики и стратегии, когда язык (например, немецкий или французский) изучается из-за интереса к языкам и разделяемых участниками установок об абсолютной ценности или прагматической полезности многоязычия.

И наконец, отдельного комментария заслуживает тот факт, что к ожидаемому для находящихся в Европе мигрантов знанию европейских иностранных языков в языковом багаже современных мигрантов присутствуют и восточные языки, в

первую очередь китайский, которым владеют 13,6% опрошенных. Растущая во всем мире популярность китайского как иностранного языка является прямым следствием увеличивающегося экономического могущества и политического влияния Китая, находящим отражение и на институциональном, и индивидуальном уровнях. В упоминавшемся уже исследовании [9] жителями Республики Бурятия — соседнего с Китаем региона — назывались следующие причины выбора ими китайского языка: «потому что это богатая страна», «Китай — ближайшая страна, куда можно легко и быстро съездить»; «их много (китайцев — Э.Х.)»; «чтобы знать, что пишут на товарах и на дошираке»; «возможно, поеду в Китай»; «этот язык, так же как и английский, становится международным», «живу рядом с границей Китая» и т.д.

Заметно, что движущей силой изучения китайского языка являются прагматичные, коммодификационные соображения, при этом имидж самих китайцев в глазах россиян (по крайней мере живущих в Бурятии) достаточно негативен [9. С. 117–119]. В основе же владения монгольским языком лежат совсем другие, не прагматичные мотивы, не связанные с коммодификационной ценностью монгольского языка. Они тесно связаны с характером этнической идентичности мигранта, со степенью его включенности в общемонгольскую культуру. В идентичности знающих монгольский язык мигрантов присутствуют все элементы бурят-монгольской культуры как в невербальном проявлении (знание и практикование религии, народных обычаев и ритуалов и т.д.), так и в вербальном — и сюда входит знание и бурятского, и монгольского языков.

Использование языков при основных дружеских контактах

Далее будет рассмотрен тип использования языка при основных дружеских контактах, перечисленных информантами; фактически это и наиболее важные коммуникативные области. Высчитывалось среднестатистическое количество контактов среди пяти наиболее близких людей, с которыми регулярно происходит «живое» общение. Эти усредненные цифры указаны в строке непосредственно под строкой с возрастными данными. Таким образом, к примеру, в среднем у мигранта в возрасте 25 лет и младше один близкий друг/подруга той же этничности, от 26 до 35 лет — несколько меньше (в среднем 0,8), от 36 до 45 лет — более одного друга (в среднем 1,3), и наибольшее количество — 1,4 или 2,2 близких друга — у мигрантов старше 46 лет. Вариативность в количестве друзей в последней группе объясняется разницей в интерпретации информантами бурят-монгольской идентичности (см. об этом ниже).

Все близкие дружеские контакты, рассмотренные сквозь призму этничности, позволяют распределить их на четыре группы: близкие друзья и партнеры (1) той же этничности, (2) другой этничности из бывшего СССР, (3) не из бывшего СССР и (4) из местных жителей. В дополнение к информации об этнической принадлежности близких друзей участников также просили определить языки, обычно используемые в общении с каждым из перечисленных контактов.

Любая категоризация, однако, условна и статична применительно к живым людям. В данном случае ее условность связана с проблемой бурят-монгольской идентичности и разницей в ее интерпретации бурятами-мигрантами. Некоторые

участники исследования считают бурят и монголов единым этносом, тогда среднее количество близких друзей на одного человека в категории 1 («близкие друзья и партнеры той же этничности») больше (2,2), если считать их разными этносами — соответственно, меньше (1,4). Эта же разница в интерпретации друзей-монголов влияет на цифры в категории 3 («близкие друзья и партнеры не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит “живое” общение»). Здесь цифры 0,2 / 0,8 для мигрантов старше 46 лет означают, что если считать друзей-монголов как «друзей не из бывшего СССР», тогда актуальна цифра 0,8, если они посчитаны в категории 1 — то в категории 3 верна цифра 0,2. Полученные результаты отражены в таблице.

Таблица/Table

Тип использования языка при основных дружеских контактах
[The type of language usage in communication with close friends]

Количество близких друзей и партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
1	0,8	1,3	1,4 / 2,2
Язык(и) общения			
Только русский	Русский и бурятский (25%) Только русский (75%)	Только русский	Русский и бурятский
Количество близких друзей и партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
2	1,6	1,6	2,4
Язык(и) общения			
Только русский			
Количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
1	0,8	0,6	0,2 / 0,8
Язык(и) общения			
Английский немецкий	Английский немецкий французский китайский	Английский	Монгольский
Количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26—35 лет	36—45 лет	46 > лет
0,5	0,8	0,6	1
Язык(и) общения			
Вариативно, но с тенденцией перехода на язык принимающей страны			

Согласно полученным данным, количество близких друзей из России и постсоветских стран колеблется примерно от одного до двух; к примеру, самые молодые участники исследования в возрасте 25 лет и младше имеют в среднем двух друзей, в возрасте от 26 до 45 лет — менее двух, но больше одного, а самые старшие информанты — более двух. При общении с ними мигрантами всех возрастов используется только русский язык. Если же это друзья-буряты, то здесь лингвистические практики более диверсифицированы в зависимости от возраста участ-

ников: информанты в возрасте от 26 до 35 и старше 46 лет используют и бурятский язык, но в значительно меньшем объеме, чем русский.

Таким образом, еще раз подтверждается, что для мигрантов первого поколения из бывшего СССР русский язык играет роль коллективного объединителя иммигрантского сообщества и его прагматическая ценность схожа с той, какой он обладал в странах бывшего Советского Союза. Активные иммигранты обнаруживают в приписываемом им извне лейбле «русские» формулу своего делового успеха. Русский язык оказывается центральной категорией групповой идентичности постсоветских мигрантов и включается в концепцию производства [14]. Эти процессы могут также быть описаны в терминах коммодификации русского языка (о русском языке как *commodity* см., например: [15]).

В общении с друзьями и партнерами не из бывшего СССР (см. таблицу) используется широкий репертуар западных и восточных иностранных языков, среди которых безусловно доминирует английский. Как уже упоминалось, два иностранных языка в лингвистическом репертуаре информантов — это норма, а владение языками, используемыми в профессиональной деятельности, нередко приближается к владению родным языком (для большинства это русский язык). Это отнюдь не та категория мигрантов из бывшего Советского Союза, которые выезжали за границу с минимальным знанием иностранных языков, как, например, многие «поздние переселенцы» в Германии (*Spätaussiedler*) [16]. Именно здесь, в сфере иностранных языков принадлежность к интеллектуальной миграции видна особенно ярко. Так, например, одна из участниц опроса так отзывалась о своем уровне знания английского языка:

В сравнении с русским он все равно не в той степени, как мой русский, нет такой вот глубины, ширины, но он абсолютно свободный, т.е. я думаю на английском, ясны вижу на английском, я иногда с английского перевожу на русский, чтобы что-то сказать. Но опять-таки... иногда идиоматические выражения, которые можно понимать, только родившись в этой культуре. (Дари, 32 года, Швейцария 2016.)

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о том, что при описании современной миграции вместо понятия “*Ziellandsprache*” (“*language of the destination country*”) более уместно использовать понятие “*host country language*”, так как в большинстве случаев опрошенные мигранты оказались именно в этой стране по причине замужества или предложенных именно там возможностей для работы или учебы, а не в силу того, что эта страна изначально была целью миграции.

Многие, особенно молодые мигранты, рассматривают западноевропейские страны, в которых они находятся, скорее как промежуточную дестинацию. Подобно многим высококвалифицированным мигрантам, они готовы поменять место своего жительства в зависимости от карьерных и других перспектив. Это деактуализирует необходимость интеграции в стране, где мигрант находится в данное время, включая и установление дружеских контактов с местными жителями. В целом, освоение языка принимающей страны (отличного от английского) за-

висит от планов и семейного статуса мигрантов: если они уже осели в данной стране, женаты/замужем, имеют детей и стабильную работу, это автоматически влечет за собой изучение языка данной страны, если его не было в лингвистическом багаже мигранта еще до иммиграции. Поэтому, как мы уже говорили, количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение, больше всего у мигрантов старше 46 лет, которые уже давно живут в одной из западноевропейских стран и не собираются переезжать в другую¹.

Если хорошее владение иностранными языками характерно для интеллектуальной бурятской миграции в целом, то изменившийся характер современной миграции проводит своего рода водораздел между старшим и младшим поколением мигрантов. Молодые мигранты, еще не осевшие в какой-либо стране, видят мир как открытый и полный возможностей, имеют много интернациональных дружеских контактов, а многоязычие является одним из ресурсов для их дальнейшей самореализации. Немногочисленность и разрозненность бурятской миграции на запад ведет к ослаблению групповых идентификационных стратегий и к усилению индивидуальных, а также космополитичных тенденций.

Анализ связи языка и социальных сетей также показал, что бурятские мигранты только условно подпадают под понятие «этнической» миграции. Характер их дружеских контактов разнообразен и свидетельствует о том, что понятие *этнической социальной сети мигрантов* [17] неприменимо к данной группе в целом, а может быть применено только к микрогруппам внутри нее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на языковые практики бурятских мигрантов влияет отмечаемая многими исследователями мобильность и в целом изменение характера современной миграции. В исследовании временной и циркулярной миграции в рамках европейского проекта «Мобильные идентичности: миграция и интеграция в транснациональных сообществах» говорится, что точка зрения, согласно которой миграция нацелена на длительное присутствие, «оседание» на одном месте, должна быть пересмотрена. Если миграция буквально нескольких десятилетий назад была непременно проектом на всю жизнь, то сегодня именно мобильность формирует контуры современной миграции. Соответственно, в политической перспективе временная и циркулярная миграция должна пониматься в таком глобализированном контексте — контексте, в которых такие понятия, как «транснациональный» и «мобильность» объединяются вместе, чтобы играть ключевую роль [18. С. 2].

Список литературы

1. *Namsaraeva S. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home // Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (eds.) Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border . Cambridge, UK: Open Book Publishers. 2012. DOI: 10.11647/OBP.0026*

---

¹ Практически все опрошенные мигранты не исключают возвращения в страну исхода, но это уже другой вопрос.

2. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010.
3. *Башкуев В.Ю.* Формы самоорганизации монгольских диаспор и некоторые аспекты их институализации в западных странах (Европейский союз и США) // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015.
4. *Нанзатов Б.З.* Российские монголы в Европе: опыт адаптации бурят и калмыков в странах Евросоюза // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение». С. 90–98.
5. *Нанзатов Б.З.* Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 88–100.
6. *Хилханова Э.В.* Буряты-мигранты в Европе: монголы или русские? // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.) / науч. ред. Г.С. Доржиева; отв. ред. Л.М. Орбодоева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 171–177.
7. *Хилханова Э.В.* Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект // Социолингвистика. 2020. № 1. С. 63–78. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78.
8. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. научн. статей. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015.
9. *Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б.* Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука: Восточная литература, 2016.
10. *Denisenko, M.* Historical and Current Trends in Emigration From Russia. 2013. URL: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top (дата обращения: 10.06.2020).
11. *Dumont, J.-C., Lemaître, G.* Counting Immigrants and Expatriates: A New Perspective. 2005. Paris: OECD.
12. *Боришполец К.П.* Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2014.
13. *Зигерт А.* Трансмиграция высококвалифицированного персонала — вызов для кадрового менеджмента. Размышления на примере российских специалистов и руководителей // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарная экспертиза. 2009. № 4. С. 152–161.
14. *Дариева Ц.* Манипулирование идентичностью: взгляд на русскоязычную прессу в Берлине. Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве: материалы международного семинара / отв. ред.: О. Бредникова, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_darieva.htm (дата обращения: 05.07.2020).
15. *Павленко А.* Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 23–32.
16. *Römhild R.* Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market — The Case of Russian German Immigrants // Workers and narratives of survival in Europe: the management of precariousness at the end of the twentieth century / edited by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. 2004. Pp. 197–216.
17. *Рзаева С.В.* Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9.
18. Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). URL: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. (дата обращения: 10.01. 2021).

References

1. Namsaraeva, S. 2012. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home. In: Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (eds.) *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. DOI: 10.11647/OBP.0026
2. *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*: collection of articles. 2010. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. 162 p. Print. (In Russ.)
3. Bashkuev, V. 2015. "Formy samoorganizatsii mongol'skikh diaspor i nekotorye aspekty ikh instiutalizatsii v zapadnykh stranakh (Evropeyskiy soyuz i SShA)". In *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. Issue 3: collection of scient. articles. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. Pp. 46—61. Print. (In Russ.)
4. Nanzatov, B.Z. 2016. "Rossiyskie mongoly v Evrope: opyt adaptatsii buryat i kalmykov v stranakh Evrosoyuza". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie» 18*: 90—98. Print. (In Russ.)
5. Nanzatov, B.Z. 2017. "Buryatskie i kalmytskie diasporы v stranakh Evrosoyuza: osobennosti formirovaniya i zhiznedeyatel'nosti diaspor". In *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*: collection of articles. Issue 4. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian branch of the RAS. Pp. 88—100. Print. (In Russ.)
6. Khilkhanova, E.V. 2018. "Buryaty-migranty v Evrope: mongoly ili russskiye?" In *Jazyk-kul'tura, myshlenie-poznanie. Integrativnye issledovaniya Proceedings*. Ulan-Ude, 28—30 June 2018. Ed. by G.S. Dorzhieva; L.M. Orbodoeva. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta. Pp. 171—177. Print. (In Russ.)
7. Khilkhanova, E.V. 2020. "Mnogoyazychie postsovetskoy migratsii: funktsional'nyy aspekt". *Sociolinguistic Studies 1*: 63—78. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78. Print. (In Russ.)
8. *Transgraničnyye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'*. 2015. Issue. 3: collection of scient. articles. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN. Print. (In Russ.)
9. Khilkhanova, E.V., G.A. Dyrkheeva, Lyubimova, L.M., and D.B. Sundueva. 2016. *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zHITELEY prigraničnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykalskogo kraja)*; East Siberian State Institute of Culture; Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the RAS. Moscow: Nauka — Vostochnaya literature. Print. (In Russ.)
10. Denisenko, M. 2013. *Historical and Current Trends in Emigration From Russia*. Web. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top. Access date: 10.06.2020.
11. Dumont, J.-C., and G. Lemaître. 2005. *Counting Immigrants and Expatriates: A New Perspective*. Paris: OECD.
12. *Intellectual'naya migratsiya v sovremennom mire: uchenoye posobiye*. 2014. Ed. by M.M. Lebedeva; Moscow State Institute of International Relations (university) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Department of World Political Processes. Moscow: MSIIR-University. Print. (In Russ.)
13. Siegert, A. 2009. "Transmigratsiya vysokokvalifitsirovannogo personala — vyzov dlya kadrovogo menedzhmenta. Razmyshleniya na primere rossiyskikh spetsialistov i rukovoditeley". *Znanie. Ponimanie. Umenie. Gumanitarnaya ekspertiza 4*: 152—161. (In Russ.)
14. Dariyeva, T.S. 2000. "Manipulirovaniye identichnost'yu: vzglyad na russkoyazychnuyu pressu v Berline". In *Etnichnost' i ekonomika v postsotsialisticheskom prostranstve Proceedings*. Ed. by O. Brednikova, V. Voronkova, Ye. Chikadze. Saint Petersburg. Web. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_dariyeva.htm. Access date 05.07.2020. (In Russ.)
15. Pavlenko, A. 2016. "Russkiy jazyk kak lingva franka v zarubezhnoj sfere obsluzhivaniya". *Mir russkogo slova 1*: 23—32. Print. (In Russ.)
16. Römhild, R. 2004. "Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market — The Case of Russian German Immigrants". In *Workers and narratives of survival in Europe: the management of precariousness at the end of the twentieth century*. Ed. by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. Pp. 197—216.

17. Rzaeva, S.V. 2015. “Etnicheskaya sotsial’naya set’ kak mekhanizm migratsionnykh protsessov i adaptatsii migrantov v priniyayushchem obshchestve: o ponyatii i ustroystve”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 395: 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9. Print. (In Russ.)
18. *Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities* (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). Web. URL: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. Access date: 10.01. 2021.

Благодарности:

Автор благодарит многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, я признательна Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку полевого исследования по данному проекту. Во-вторых, я хочу поблагодарить всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на мои вопросы. И, наконец, я хотела бы выразить свою благодарность профессору д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям института Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле).

Acknowledgments:

The author thanks the many people and organizations who contributed to this research. Firstly, I am grateful to the German Academic Exchange Service (DAAD) for financial support of the field research for this project. Secondly, I want to thank all the anonymous informants who shared their life stories and sincerely answered my questions. Finally, I would like to express my gratitude to Professor Dr. Gunther Schlee, staff and researchers at the M. Planck Institute of Social Anthropology (Germany, Halle).

Сведения об авторе:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Bio Note:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Center for National and Linguistic Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Научная статья

«Имам, не ходи в Грозную»: о главной мысли исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»

И.С. Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, PCO-Алания, 362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22

Аннотация. Хаджи-Мурат Магометович Мугуев (1893—1968) — видный представитель советской литературы, осетин по происхождению, писавший на русском языке. Ветеран трех войн (Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной), Мугуев большинство своих произведений посвятил военной тематике; а вершиной его творчества является исторический роман «Буйный Терек» (1937—1968), повествующий о Кавказской войне XIX века. Вопрос, вынесенный в заглавие статьи актуален, во-первых, в связи с потребностью нового прочтения текста советской литературы, особенно в части ее исторической концепции; во-вторых, в связи с ярким этнокультурным характером материала; в-третьих, с самобытной поэтикой транслингвальной (русскоязычной) литературы народов российского Кавказа. Следует также отметить, что в современном литературоведении роман осмыслен не в полной мере, а в советский период, увлекшись большими идеологическими вопросами, провоцируемыми его содержанием, специалисты не уделили достаточного внимания его вымышленным героям, внутренней композиции и частным мотивам, работающим на главную идею. Здесь мы намерены, опираясь на ряд ключевых моментов, осветить один из идейных дискурсов текста Мугуева, относящихся в авторской гуманистической системе к знамениям грядущего мира между народами Кавказа и России.

Ключевые слова: Хаджи-Мурат Мугуев, «Буйный Терек», Кавказская война, мюридизм, декабризм, исторический роман, социалистический реализм, идейная тенденция

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20.05.2021

Дата принятия к печати: 09.07.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

© Хугаев И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Хугаев И.С. «Имам, не ходи в Грозную»: о главной мысли исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 268—276. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Research Article

“Imam, don’t go to Groznaya”: on the fundamental idea of the historical novel “The Wild Terek” by Hadji-Murat Mugev

I.S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
22, Markus Street, Vladikavkaz, RNO-Alania, Russian Federation, 362027.

Abstract. Hadji-Murat Mugev (1893—1968) was a prominent representative of Soviet literature, an Ossetian by origin who wrote in Russian. As a veteran of three wars (WWI, the Civil War, and WWII), Hadji-Murat Mugev devoted most of his works to military topics. *The Wild Terek* (1937—1968), a historical novel about the Caucasian War of the 19th century, is considered his magnum opus. The topic proposed herein is of interest due to, first, the desirability of a new reading of the text of Soviet literature, especially as regards its historical concept; secondly, a vivid ethno-cultural character of the material; thirdly, a peculiar poetic manner of translangual (written in Russian) literature of peoples of the Russian Caucasus. It is noteworthy that the novel has not received due consideration by contemporary literary criticism; as for the Soviet period, the then critics were carried away with the major ideological issues provoked by its contents and thus disregarded its imaginary characters, internal framework and particular motifs that worked for the fundamental idea. In this article, by relying on a number of key factors, we intend to highlight some ideologic discourses of Mugev’s text referring to the author’s humanistic system and signs of forthcoming peace between the peoples of the Caucasus and Russia.

Key words: Hadji-Murat Mugev, “The Wild Terek”, the Caucasian War, the Mouride brotherhood, Decembrism, historical novel, socialist realism, ideologic trend

Article history:

Received: 20.05.2021

Accepted: 09.07.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khugaev, I.S. 2021. “Imam, don’t go to Groznaya”: on the Fundamental Idea of the Historical Novel “The Wild Terek” by Hadji-Murat Mugev’. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 268—276. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-268-276

Введение

Исторический роман Хаджи-Мурата Магометовича (1893—1968) Мугуева «Буйный Терек» (1937—1968) — яркое произведение советской эпохи. Роман неоднократно переиздавался и пользовался большим успехом, но, как всякое самобытное литературное явление, к тому же воспроизводящее сложные социально-исторические процессы прошлого, удостаивался подчас довольно разноречивых оценок и у читателей, и среди критиков и литературоведов.

Определенный скепсис вызывала у некоторых специалистов трактовка революционных феноменов эпохи и типизация образов исторических лиц. Например, в предисловии к 4-му изданию романа профессор И.Н. Бороздин подробно остановился на проблеме идеологического осмысления мюридизма и образов его предводителей и упрекал автора за «излишне идиллическое повествование» [1. С. 5—10], а К. Давыдов [2], Х.Д. Ошаев [3. С. 168—172] и Н.Г. Джусойты [4] укоряли Х.-М. Мугуева за тенденциозное освещение личности генерала А.П. Ермолова. С другой стороны, Э.Е. Левонтин [5], Ю.Н. Либединский [6] и Мусса Хаким (М.Г. Домба) [7], Т.К. Гальченко [8. С. 13—16; 9. С. 3—15] и др. выступили с положительными и довольно комплиментарными отзывами.

В 2015 году мы, рассмотрев и обобщив содержание этой критической литературы, предложили свою интерпретацию [10], в которой из-за комплексного подхода к роману, требовавшего внимания к вопросам историзма и реализма, упустили из виду, вслед за нашими предшественниками, ряд нюансов. Здесь мы предлагаем уточнение и дополнение к своим предыдущим работам в части, относящейся к основной идее Х.-М. Мугуева — именно к ее динамическому развитию, сопряженному с событийной канвой, и ее апофеозу.

Обсуждение

По своим основным параметрам «Буйный Терек» — типичное произведение литературы социалистического реализма [10. С. 40—41; 56—57]. Об этом позволяют говорить и концепция образа народа как субъекта исторического процесса, и акцент на классовой борьбе, и интернациональный пафос в его традиционном значении. Однако центральная тема произведения — первый этап (предводительство имама Гази-Магомеда) Большой Кавказской войны — наряду с происхождением автора (осетин-казак из станицы Черноярской Терской области) обусловили (конечно, не только они) оригинальные акценты и обертоны главной исторической и художественной мысли «Буйного Терека». Роман Х.-М. Мугуева на всех своих главных уровнях содержания и формы является образцом пограничного культурного синтеза подобно тому, как сам автор воплощал в себе неразрывное единство русской (казацкой) и горской (осетинской) культурных традиций. Выявление идеи романа должно учитывать его этнокультурные источники.

Замечательной особенностью романа «Буйный Терек» является то, что образ штабс-капитана Александра Небольсина — главного героя романа, «солнца» его образной системы — обретается в нейтральном — в плане основного военно-политического конфликта между Россией и горцами Северного Кавказа — поло-

жении. Главный герой равно близок (этически и нравственно) «вождям» вступивших в конфликт сторон. Офицер, близкий по духу генералу Ермолову, парадоксальным образом вполне сочувствует Гази-Магомеду и его борьбе. Тем самым в образе (или образом) Небольсина уже идейно примирены две противостоящие друг другу исторические силы. Вследствие этого здесь правомерно говорить не только о «степени широты захвата исторического поля» [11. С. 9], но и о степени его «глубины» в произведении Мугуева.

В полном соответствии с реалистическим подходом к изображению человека в крупных хронотопах образ Небольсина дан Мугуевым в определенной динамике. Если в первой книге романа развитие данного образа определяются преимущественно перипетиями личной судьбы (сюжетная линия Небольсин — Нюшенька — Голицын — Петушков), то во второй становление личности Небольсина сопряжено с центральной, исторической темой романа и во многом обусловлено влиянием Алексея Булаковича, дворянина и офицера, сосланного на Кавказ за участие в восстании декабристов. На первом этапе в отношении образа Небольсина проблема решается в вынесении им «приговора» крепостничеству и самодержавию, на втором — войне (как их следствию).

Здесь мы застаем Небольсина в состоянии глубокой апатии, которая явилась результатом личной трагедии (гибель любимой женщины). Хорошо известный мотив разочарованности в жизни может спровоцировать сближение этого образа с литературными типами соответствующей описываемым событиям эпохи. Персонаж Мугуева в общем закономерно ассоциируется с образами «героев времени» и «лишних людей». Это подтверждает его художественно-историческую достоверность, но в то же время Мугуев как писатель XX века и представитель нового художественного метода не хотел, чтобы трактовка его героя читателем обуславливалась только литературными стереотипами романтизма и критического реализма. Стремясь убедить нас в обманчивости внешних ассоциаций, он предупреждает такую оценку образа, вкладывая в уста Евдоксии Чегодаевой речи о «северном Чайльд Гарольде», «байронизме» и «пушкинских кавказских чудесах» [12. С. 285, 293], исполненные, как отзывается о них Небольсин, «милой романтики» [12. С. 310], ибо в этой великосветской интерпретации характеристика Небольсина теряет всякую убедительность.

Апатия и разочарованность главного героя «Буйного Терека» иного порядка: это результат не шума бала, а грохота битвы, это не «английский сплин» и не «русская хандра»; это драма патриота, усомнившегося в «правоте Отечества» подобно тому, как А.С. Грибоедов осознал «трагическую вину своей родины» [13. С. 68]. «Одна мечта у меня. Уйти с военной службы» [12. С. 7]: это слова «обновленного» Небольсина, ибо он не мог произнести их до личной трагедии, тяжелого ранения на русско-персидском фронте и поражения Ермолова в «схватке» с Петербургом. Когда мы узнаем, что он «освободил от тягот крестьян и также подумывал вовсе освободить ряд семейств» [12. С. 59], тенденция развития этого образа получает векторное обозначение. По возвращении же героя на Кавказ основной дискурс работы его сознания уже соответствует мугуевскому «синдрому декабризма»: «Зачем все это? К чему ночные походы, разорение аулов, смерть

вот этих терпеливых, все сносящих солдат?» [12. С. 241]. Горцы глубоко симпатичны Небольсину, как и другим, реальным «невольникам чести», служившим на Кавказе: «Признаюсь, — писал декабрист В.С. Норов, — что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, что бы считать черкесов своими врагами» [14. С. 85].

Большое значение имеет в романе эпизод посещения Небольсиным осетинского аула под Владикавказом. Примечательно, что хронологически это событие параллельно пребыванию Булаковича в плену у дагестанцев и чеченцев. Этот момент является своего рода прологом их будущих отношений, отмеченных глубоким взаимопониманием и искренней дружбой.

Несмотря на то, что Булакович находится в качестве военнопленного в немирном Чиркее («Буйный Терек», таким образом, развивает богатую в мировой литературе тему «кавказского плена»), а Небольсин — гость союзных русским войскам осетин, их наблюдения и выводы абсолютно конгениальны. Непосредственное соприкосновение с бытом горцев, с их обычаями и нравами становится для них настоящим откровением. Это один из важнейших лейтмотивов всемирной литературы, которая отражает трудный, но неуклонный процесс духовного единения человечества, взаимопознания народов и наций, и особенно впечатляюще и драматично эта тема звучит в русской литературе, и особенно в той ее части, которая относится к кавказской тематике. Достаточно вспомнить здесь «Путешествие в Арзрум» и «Кавказского пленника» А.С. Пушкина, «Кавказского пленника» М.Ю. Лермонтова, «Аммалат-бека» А.А. Бестужева-Марлинского, «Хаджи-Мурат» и «Казаки» Л.Н. Толстого, «Кавказскую повесть» П.А. Павленко и другие произведения. Мугуевские «русский и дагестанец» (и русский и осетин) содержат массу классических реминисценций:

Небольсин не сводил глаз с танцующих. Все ему казалось фантастическим, чем-то нереальным и в то же время необходимым. Да, именно здесь, впервые после Петербурга, он был самим собой. Среди этих искренних, простых людей с их немудреной жизнью, с эпически спокойными понятиями о жизни и смерти, о веселье и горе. Как хорошо, что меня вернули на Кавказ, к этим чистым, неиспорченным цивилизацией детям природы. Среди них, среди казаков и поселенцев пусть проходит моя жизнь... [12. С. 198].

Булакович изучал своих хозяев... Все здесь дышало строгой простотой, естественной сдержанностью и свободным общением. За обедом сидели равноправные, хотя один из них был имамом, остальные мюридами или просто жителями аула. Ничего похожего на раболепство, на петербургское низкопоклонство... Во всем была какая-то библейская патриархальность, напоминавшая героев Вальтера Скотта или рассказы о первобытной простоте нравов и жизни индейцев Северной Америки... Такими, вероятно, были наши предки, когда не знали денег, бояр, крепостной зависимости, гнева и прихоти царей... [12. С. 212—213].

Горцы в глазах Булаковича и Небольсина — «естественные» люди (Мугуев продвигает здесь несколько руссоистскую идею). Вся их, горцев, жизнь — движение естественных чувств, что, по Мугуеву, должно служить если не доказательством их полной правоты, то, во всяком случае, бесспорным аргументом в пользу их защиты.

Последние наблюдения и мысли Булаковича и Небольсина непосредственно предваряют один из важнейших диалогов романа Мугуева. Это своего рода квинтэссенция идеи произведения. Случилось то, что закономерно и неизбежно (в данностях художественной концепции автора) должно было произойти: представители прогрессивных исторических, аккумулирующих общенародные идеалы, тенденций развития Кавказа и России (имам Гази-Магомед и прапорщик Булакович) беседуют как старые друзья и понимают друг друга без посредника, — если не считать толмача:

- ...вовсе не знаем мы, русские, горцев.
- Потому и воюете, что не знаете. Что же ты... узнал нового?
- Вы — гордый, вольнолюбивый народ, а не дикари, как вас называют наши начальники...
- Я верю тебе, урус. Ты человек храбрый, справедливый, перенесший от своего падишаха много горя и зла. Мы знаем, что есть немало солдат, которые пытались сделать своему народу добро... Спасибо тебе, русский друг... Ты честен, как истинный ших [12. С. 214—216].

Мугуев очевидно далек от желания сколько-нибудь усложнить свою концепцию. Его «предмет веры» прост: он видит вполне достаточное основание для соотнесения мюридизма и декабризма в наивной аналогии, сформулированной имамом: «Мы тоже (мюриды, как и декабристы — И.Х.) стремимся к тому, чтобы простой народ был свободен и сыт» [12. С. 214].

Так военно-политическое противостояние России и Северо-Восточного Кавказа (Дагестана и Чечни) лишается в «Буйном Тереке» доминирующего значения. Максимальную идейную нагрузку получает не межнациональный, а социально-исторический конфликт эпохи, обнаруживаемый как во внутрироссийской, так и во внутрикавказской общественно-политической обстановке (две России — два Кавказа), в которой мюридизм и декабризм трактуются в роли прогрессивных, революционных тенденций. Вероятно, именно это обстоятельство имел в виду Э.Е. Левонтин, когда писал: «Две чистые струи, сливаясь в единый поток повествования, придают ему глубину и быстрину. Течение становится неукротимым, сильным. Подобно быстрому Тереку» [5].

В дальнейшем (после освобождения из плена) в рассуждениях Булаковича, равно как и Небольсина, с которым они тесно сходятся, доминируют окончательно оформившиеся идеи бесперспективности войны. Мысли, высказываемые сначала А.С. Грибоедовым (4-я глава книги 1-й) и А.С. Пушкиным (1-я глава книги 2-й), и предварявшие собой разные этапы развития действия и идеи романа, в лице Небольсина, Булаковича и Гази-Магомеда получают как бы всестороннее эмпирическое обоснование. Политических целей, считает Булакович, можно и должно достигнуть «не походами в горы, не уничтожением аулов и людей, а примирением, отводом войск за линию, признанием их (горцев — И.Х.) призрачной самостоятельности, усиленной торговлей с горцами, открытием школ, приобщением к русской жизни, помощью деньгами и образованием...» [12. С. 308—309].

Роман являет собой не иллюстрацию авторской концепции, предварявшей художественный опыт, а живой, динамичный процесс становления и реализации идеи, при котором сюжетная кульминация резонирует с наиболее мощным идей-

ным акцентом. Речь идет о главах романа, повествующих о совместном пребывании Небольсина и Булаковича в ставке имама (в качестве послов-парламентеров). Заметим, что к этому времени обозначились (в повествовании Мугуева) определенные кризисные явления как вообще в горской среде, так и в самом мюридистском движении: экономическая деградация в результате изнурительной войны, «падение адатов» в оставшихся без мужчин аулах, первые неллицеприятные признаки пренебрежения к шариату со стороны уставших от газавата шихов и т.д. Хорошо чувствуя ситуацию, русское командование предлагает горцам перемирие на весьма сомнительных для имама и верных ему сподвижников условиях.

«...имам, не ходи в Грозную, — говорит Алексей Булакович Гази-Магомеду. — Царь никогда не помилует тебя, как не простит и нас, тех, кто шесть лет назад поднялся против него» [12. С. 362]. Драматизм положения в том, что Булакович и Небольсин совершают, в сущности, диверсию по отношению к своему начальству и царскому правительству, но с точки зрения нравственной они — «защитники свободы и правды» [12. С. 367]. Так Небольсин и Булакович становятся своего рода русскими Тазитами.

Мы не будем вникать в нюансы этой аналогии; мы только хотим указать общее культурное значение феномена, позволившее В.Г. Белинскому ассоциировать Тазита даже с Галилеем, которого «в Италии чуть не сожгли живого за его несогласие с чеченскими понятиями о мировой системе»; здесь мы тоже наблюдаем вечную борьбу «общего с частным, разума с авторитетом и преданием, человеческого достоинства с общественным варварством» [15].

Перемирие не состоялось, но русские послы, как, впрочем, и Гази-Магомед, хорошо сознают, что оно не принесло бы мира. Эпизод заканчивается сценой клятвы имама и мюридов на Коране — в том, «что ни один из них никогда, даже под страхом смерти и боясь вечного огня ада, не скажет никому о том, что говорили здесь эти два русских человека» [12. С. 363].

По возвращении из посольства в крепость Грозную между капитаном Небольсиным и прапорщиком Булаковичем окончательно утверждаются узы братства. Теперь диалоги их кратки и лаконичны, благодаря чему красноречивым становится само молчание, а реплики героев выигрывают в содержательности и характерности.

«В день четырнадцатого декабря, — говорит Небольсин, — я был на Кавказе, а людей, вышедших на Сенатскую площадь, почитаю героями» (...) “Спасибо”, — сердечно поблагодарил Булакович и снова улегся на песок. Это был весь их разговор, связанный с поездкой к имаму» [12. С. 367].

Заключение

Строгий критический взгляд может, вероятно, распознать в ряде построений Мугуева идеализацию исторических явлений и отдельных образов, а также элементы некоторого «утопического прекраснотушия», связанного, в частности, с верой автора в то, Советский Союз раз и навсегда воплотил идеалы, оставшиеся за пределами романного нарратива. Но коль скоро это не так, роман Мугуева сегодня даже более актуален, чем в эпоху его создания. По меньшей мере, он ак-

туализирует важность культурной органики межнационального диалога, без которой немислим и «русский мир», уже явивший нам свои смутные — и прекрасные черты. Он показывает по меньшей мере, насколько органичной была для русского офицера — именно для людей, подобных Небольсину и Булаковичу — «идея включения кавказского мира в общероссийский мир», что Кавказ важен для России «не просто как колонизированное пространство», а как «исторически и культурно необходимый фрагмент империи» [16. С. 131].

Таким образом, «Буйный Терек» является одним из тех произведений мировой литературы, которые воплощают великую творческую идею движения народов к единению и противостоят как историческим концепциям и политическим доктринам, утверждающим разобщенность мира и фатальную несовместимость бытия разных народов, так и безличной глобализации. Даже схематизм Мугуева носит теплый, гуманистический характер, ибо он вскрывает положительный смысл всемирного исторического процесса: движение от войны — к миру, от культуры силы — к культуре разума, из эпохи страха — в эпоху свободы.

Список литературы

1. *Бороздин И.Н.* Предисловие // Мугуев Х.-М.М. Буйный Терек: в 2 кн. Орджоникидзе: Ир, 1974. Кн. 1.
2. *Давыдов К.* «Буйный Терек» // Социалистическая Осетия, 1959. 8 дек.
3. *Хугаев И.С.* К переписке Хаджи-Мурата Мугуева и Халида Ошаева // Известия СОИГСИ, 2017. Вып. 26 (65). С. 165—177.
4. *Джусойты Н.Г.* Письмо к Х.-М.М. Мугуеву от 28 авг. 1959 г. // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 1. П. 3. К. 8. П. 1.
5. *Левонтин Э.Е.* Отзыв на роман Х.-М. Мугуева «Буйный Терек». (Письмо в Воениздат от 1 окт. 1959 г.) // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 2 (рукопись).
6. *Либединский Ю.Н.* Рецензия на роман Х.-М. Мугуева «Буйный Терек» (1958 г.) // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 1. П. 3. К. 1. П. 4.
7. *Хугаев И.С.* Мусса Хаким (М.Г. Домба) и его письма к Хаджи-Мурату Мугуеву // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 21 (60). С. 142—165.
8. *Гальченко Т.К.* Творчество Х.-М. Мугуева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
9. *Гальченко Т.К.* Очерк жизни и творчества Х.-М. Мугуева: учебно-методическое указание: в 2 ч. Орджоникидзе, 1980. Ч. 2.
10. *Хугаев И.С.* Кавказская война XIX века в историческом романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал. Владикавказ: ВНЦ РАН: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2015.
11. *Макаровская Г.В.* Типы исторического повествования. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972.
12. *Мугуев Х.-М.М.* Буйный Терек: исторический роман: в 2 кн. Орджоникидзе: Ир, 1974. Кн. 2.
13. *Юсуфов Р.Ф.* Дагестан и русская литература конца XVIII в. и первой половины XIX в. М.: Наука, 1964.
14. *Гапуров Ш.А., Магамаев В.Х.* «Певцы свободы», «невольники чести». Кавказские мотивы в творчестве декабристов, русских поэтов и писателей — участников Кавказской войны // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. научн. статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Краснодар, 23—25 октября 2014 года. С. 81—94.
15. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0220.shtml (дата обращения: 26.04.2021).

16. Гордин Я.А. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д.С. Лихачёва. Вып. 2—3. СПб., 2006. С. 112—131. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Caucasus.html> (дата обращения: 26.07.2021).

References

1. Borozdin, I.N. 1974. "Predislovie". In Muguev, Kh.-M.M. Buynny Terek: in 2 books. Ordzhonikidze: Ir. Book 1. Print. (In Russ.)
2. Davydov, K. 1959. "Bujnyj Terek". Sotsialisticheskaja Osetija, 8 dec. Print. (In Russ.)
3. Khugaev, I.S. 2017. "K perepiske Khadzhi-Murata Mugueva i Khalida Oshaeva". Izvestiya SOIGSI 26 (65): 165-177.
4. Dzhusoity, N.G. 1958. Pis'mo k Kh.-M.M. Muguevu ot 28 avg. 1959 g. Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 1. Part 3. Book 8. Manuscript. (In Russ.).
5. Levontin, E.Ye. 1959. "Otzyv na roman Kh.-M. Mugueva «Buynny Terek». (Pis'mo v Voenizdat ot 1 okt. 1959 g.)". Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 2. Part 1. Book 2. Manuscript. (In Russ.).
6. Libedinskiy, Yu.N. 1958. "Retsenziya na roman Kh.-M. Mugueva «Buynny Terek» (1958 g.)". Archives of Khadzhi-Murat Muguev Foundation. Article 1. Part 3. Book 1. P. 4. Manuscript. (In Russ.).
7. Khugaev, I.S. 2016. "Mussa Khakim (M.G. Domba) i yego pis'ma k Khadzhi-Muratu Muguevu". Izvestiya SOIGSI 21 (60): 142—165. Print. (In Russ.)
8. Galchenko, T.K. 1971. "Tvorchestvo Kh.-M. Mugueva". Candidate of Philology Thesis, Moscow. Print. (In Russ.).
9. Galchenko, T.K. 1980, 1982. Ocherk zhizni i tvorchestva Kh.-M. Mugueva: recommendations. In 2 parts. Ordzhonikidze: Ir. Part 2. Print. (In Russ.).
10. Khugaev, I.S. 2015. Kavkazskaya vojna XIX veka v istoricheskom romane Khadzhi-Murata Mugueva «Buynny Terek»: istorizm, narrativ, ideal. Vladikavkaz: VNTS RAN: IPTS IP Tsopanova A.Yu. Print. (In Russ.).
11. Makarovskaya, G.V. 1972. Tipy istoricheskogo povestvovaniya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. Print. (In Russ.).
12. Muguev, Kh.-M.M. 1974. Buynny Terek: in 2 books. Ordzhonikidze: Ir. Print. (In Russ.).
13. Yusufov, R.F. 1964. Dagestan i russkaya literatura kontsa XVIII v. i pervoy poloviny XIX v. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.).
14. Gapurov, Sh.A., and V. Kh. Magamaev. 2014. ««Pevtsy svobody», «nevol'niki chesti». Kavkazskiy motivy v tvorchestve dekabristov, russkikh poetov i pisateley — uchastnikov Kavkazskoy vojny. Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza". In Russian Scientific Conference, devoted to M. Yu. Lermontov Anniversary, Proceedings. (October, 23-25, 2014, Krasnodar, Russia). Print. (In Russ.).
15. Belinskiy, V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Web. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0220.shtml (Access: 26.04.2021).
16. Gordin, Ya.A. 2006. "Russkiy chelovek i Kavkaz. Kultura i obshchestvo". Almanakh Fonda im. D.S. Likhacheva 2—3: 112—131. Web. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Caucasus.html> (Access: 26.04.2021).

Сведения об авторе:

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru

Bio Note:

Irlan S. Khugaev is a Doctor of Philology, a leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-277-294

Научная статья

Транскультурные и литературные измерения эволюции феминизма: *La Jouissance* versus Καθαρση

Е.В. Бильченко

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
Украина, 02000, Киев, улица Пирогова, 9

Институт культурологии Национальной академии искусств Украины
Украина, 01032, Киев, бульвар Тараса Шевченко, 50/52

Аннотация. Актуальность темы обусловлена радикализацией феминистического движения в глобальном мультикультурном мире, обретающей свое отражение в философской и литературной рефлексии. *Цель исследования* — раскрыть социокультурные и литературные измерения феминистического дискурса сквозь призму проектов транскультуры и деколонизации. *Материалы исследования:* оригинальные англоязычные тексты cultural and social studies, древние сакральные тексты на санскрите в английских переводах, русскоязычные философские, социологические, политологические, психоаналитические, филологические и культурологические труды. *Методы исследования:* диалектический, конкретно-исторический, феноменолого-герменевтический, семиотический, компаративный, структуралистский, психоаналитический, деконструктивистский. *Результаты исследования:* показана эволюция феминизма от классового (марксистского) до культуралистского (неолиберального) сквозь три его исторические волны с литературными примерами. *Заключение исследования* — наблюдается сдвиг феминистических идеалов от паттерна катарсического освобождения посредством гендерного равенства до паттерна прагматического наслаждения посредством гендерного превосходства на почве теории отличий и привилегий и политики протекционизма и идентичностей.

Ключевые слова: гендер, феминизм, транскультура, деколонизация, протекционизм, теория отличий, культурализм, психоанализ, марксизм, неолиберализм

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.05.2021

Дата принятия к печати: 10.07.2021

Модератор: О.А. Валикова

© Бильченко Е.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Бильченко Е.В. Транскультурные и литературные измерения эволюции феминизма: La Jouissance versus Κάθαρση // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 277—294. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-277-294

Research Article

Transcultural and Literary Measurements of Evolution of Feminism: La Jouissance Versus Κάθαρση

Ie.V. Bilchenko

National Pedagogical Dragomanov University
Ukraine, 02000, Kiev, Pirogova St., 9
Institute of Cultural Studies of the National Academy of Arts of Ukraine
Ukraine, 01032, Kiev, Taras Shevchenko boulevard-50/52

Abstract. *The relevance of the topic* is due to the radicalization of the feminist movement in the global multicultural world, which is reflected in philosophical and literary reflection. *The aim* of the study is to reveal the socio-cultural and literary dimensions of feminist discourse through the prism of transcultural and decolonization projects. *Research materials:* original English-language texts of cultural and social studies, ancient sacred texts in Sanskrit in English translations, Russian-language philosophical, sociological, political science, psychoanalytic, philological and cultural studies. *Research methods:* dialectical, concrete-historical, phenomenological-hermeneutic, semiotic, comparative, structuralistic, psychoanalytic, deconstructivistic. *Research results:* demonstration of the evolution of feminism from class (Marxist) to culturalist (neoliberal) through its three historical waves with literary examples. *The conclusion of the study* is the shift of feminist ideals from the pattern of cathartic emancipation through gender equality to the pattern of pragmatic pleasure through gender superiority based on the theory of difference and privilege and the politics of protectionism and identity.

Key words: gender, feminism, transculture, decolonization, protectionism, theory of differences, culturalism, psychoanalysis, Marxism, neoliberalism

Article history:

Received: 14.05.2021

Accepted: 10.07.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Bilchenko, Ie.V. 2021. “Transcultural and Literary Measurements of Evolution of Feminism: La Jouissance Versus Κάθαρση”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 277—294. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-277-294

Введение

Транскультура традиционно считалась символом освобождения субъекта от скованности его индивидуальности паттернами отдельных локальных культур, но в постмодерном обществе символически не удовлетворяемых наслаждения, желания, потребления, — транскультура становится чем-то сродни трангрессии — непрерывной экстраполяции фантазма, — фиксируя процесс компрессии общенного и сценического начал, интимного и публичного факторов бытия, бессознательного и сознательного регистров в психоделическом экстазе коммуникации, свойственной Сети, ризомной биологической власти и горизонтального контроля «пост-Паноптикума». Больше нет экономики, политики, культуры, нации, сексуальности, гендера и эстетики: есть трансэкономика, трансполитика, транскультура, транснационализм, транссексуальность, трансгендер и трансэстетика как механизмы перенесения глубинного бессознательного ядра собственной идентичности — пассивности как Реального (право наслаждаться, *la jouissance*, посредством созерцания, медитации или молитвы) — на Другого, чья невротическая обсессивная пустая активность становится перверзией экстаза коммуникации в виртуальном обществе семитической войны, кибер-буллинга, флейминга, хейтинга, сталкинга и других форм электронного фашизма, круглосуточная анонимная вездесущая природа которых выскальзывает из-под императивных рамок командно-административных форм дисциплинарной цензуры.

Сегодня мы будем говорить о деградации современного феминизма в феномен транскультурного буллинга как симптома новой неолиберальной цензуры. При этом мы будем подтверждать философскую и социокультурную динамику трансформации феминистического движения в исторической парадигме смысловыми инвариантами литературной кросскультурной цивилизационной памяти, фиксирующей в художественных образах те или иные психические типы представительниц данного движения: перед нами обрисуются литературные портреты героинь Марины Цветаевой и Анны Ахматовой, Милана Кундеры и Маргарет Фуллер, а также современных российских поэтесс (Анна Долгарева, Стефания Данилова, Анна Ревякина), которые независимо от хронотопа своего бытия, независимо от личной идентификации с феминистической школой, в стилистике своих текстов, в создаваемой ими персональной картине мира и в образах своих персонажей и самих себя как Воображаемого Реального театрализованной жизни-драмы автора воплощают смыслы и ценности разных этапов эволюции феминизма, которые могут не совпадать с реальными периодами их жизнетворчества. Дополнение литературоведческого анализа философской компаративистикой и структурной семиотикой классического востоковедения обогатит наше исследование более полным пониманием генетических истоков идеи гендерного универсального равенства.

Цель исследования — компаративный анализ трех исторических волн эволюции феминизма от традиционного катарсического симптома гендерного равенства к постмодерному гедонистическому фантазму гендерного превосходства в дискурсе транскультуры.

Материалы, методы, результаты. Институализация феминизма в Западной Европе Нового времени наводит нас на мысль о необходимости применения не

только конкретно-исторического, но и компаративного подхода к данной проблеме, основанном на семиотическом сопоставлении элементов культурологической парадигматики «Восток — Запад», которая в качестве логической дихотомии довольно длительное время мифологически читалась европоцентристским, унаследованным от гегельянства, монологическим сознанием как бинарная оппозиция «Деспотия (Восток) — Демократия (Запад)» [1]. Использование данной контроверзы как синонимической дилеммы является неприемлемым, поскольку, во-первых, древние деспотии не являются тождественными тоталитарным режимам XX века и это является вульгарной исторической проекцией, а во-вторых, стигматизация Востока как региона патриархального угнетения женщины, а идеализация Запада как воображаемого пространства прав и свобод является идеологическим жестом нелиберальной цензуры глобального мультикультурного мира, порождением которого и является феминизм, особенно если говорить о его поздних версиях. Востоку не нужна демократия, не потому, что он «плох», а потому, что в его иерархии нравственно-правовых ценностей взаимные обязанности важнее индивидуальных свобод, а соборность важнее атомарности. Вместо борьбы за права женщин в космогонии и космологии традиционных культур Востока была изначально заложена этика универсализма — равенства и солидарности, которая побеждала на уровне картины мира даже при наличии бытовых случаев насилия мужчины над женщиной.

Отсутствие феминизма в восточных культурах, где лишь в XX веке он появился как западное заимствование, связано с конкретно-историческим контекстом возникновения этого движения. Изначальное равенство полов как вселенских энергий, заложенное в индо-буддийский и даосско-конфуцианский космоизм (Пуруша — Пракрити в мейтхуне и йоге Индии, Инь — Ян в даосизме), делало нецелесообразным возникновение в данных традициях политических проектов, которые обосновывали бы то, чего и так никто не запрещал на ментальном уровне (при всем отличии культовых практик, где главным аспектом все равно считалось длительное, медитативное, ментальное «воспоминание» сакрального образа).

Так, одним из первых текстов, содержащих утверждения о равенстве женщин и мужчин в контексте религиозных достижений, является «Тхеригатха» (часть палийского канона в буддизме) — сборник коротких стихов просветленных монахинь (бхикшуни тхери) о стараниях и достижениях на пути к архатству [2]. «Тхеригатха» содержит ряд текстов, утверждающих мысль о равенстве женщин с мужчинами в контексте религиозного достижения святости. Первый перевод на английский язык «Тхеригатхи» был опубликован Каролиной Августой Фоли в 1909 году, что не могло не повлиять на развитие феминизма в Европе как следствие ориентализма и его популярности. В текстах раннего буддизма, таких как «Кхандхака» [3], содержатся слова Гаутамы Будды о том, что женщина может достичь просветления; но при этом в «Бахудхатука-сутре» утверждается, что женщины-будды не может быть никогда [4]. Противоречия в святом письме хинаяны и махаяны не могли не вызвать множество теологических споров транслингвального характера, поскольку речь шла о разных толкованиях сходных терминов священных текстов.

Известно, что сам Будда основал женскую сангху и в полной мере позволял женщинам участвовать в жизни общины с соблюдением дополнительных условий («восьми правил» праведного поведения, что по тем временам считалось прогрессивным экспериментом по отношению к патриархальному индуизму). Правила почитания женщинами монахов-мужчин (бхикшу), возможно, были связаны с тем, что Махакашьяпа и бхикшу того времени испытывали ревность к бхикшуни, которые сделались более популярными, и проводили больше образовательной и социальной работы. Некоторые комментаторы Палийского канона понимали слова Будды так, будто бы он считал женщин ответственными за падение человеческой расы. Однако большинство буддистов интерпретируют это по-другому: они считают, что в первую очередь причиной нравственного падения является похоть как таковая, а не женщины, общие пороки людей любого пола, увеличивающие их дурную карму.

В тхеравадской «Сутта-питаке» говорится о том, что не стоит заострять внимание на различиях между полами, потому что это может стать препятствием в достижении нирваны. Здесь половая дискриминация считается проделкой демона Мары, уводящего с духовного пути: «Каждый, кто думает “я женщина”, или “я мужчина”, или “я вообще кто?” — это тот, кто внимает Маре» (Сома-сутта) [5]: ср. с христианством с его гендерным равенством эллинов и иудеев, мужчин и женщин в Боге. Тем самым подчеркивается гендерная нейтральность буддийской концепции Анатмана (Ничто) — стратегии «несамости» как высшего единства относительностей (пустоты — шуньяты), которой учили Будда и его ученик Нагарджуна для освобождения от страданий. А в сутре «Зависимость» Будда утверждает, что, если мужчина или женщина цепляются за свою гендерную идентичность, они попадают в зависимость от нее как от колеса сансары. В то же время в Тхераваде считается, что женщине практически невозможно достичь даже состояния бодхисаттвы. Боги, мужчины, звери и даже пресмыкающиеся могут стать бодхисаттвами, а женщины — нет. Рождение женщиной рассматривается как результат плохой кармы. При этом Тхеравада не запрещает женщине стремиться к пробуждению и достигать его, однако женщина не может возглавлять буддийскую религиозную общину. Если человек, мужчина или женщина, проявит сильное желание к достижению состояния Будды и живущий одновременно с ним Будда подтвердит это, то такой человек уже не родится в женском теле ни в одной из следующих жизней.

Соответственно, для практикующей буддистки школы Тхеравада цель жизни в том, чтобы в следующей жизни родиться мужчиной и тогда получить все возможности для духовного просветления и достижения состояния Будды. Для этого нужно совершать праведные деяния и искренне стремиться к мужественности. Различные притчи буддизма (о монахе, переносящим женщину через реку, о девушке, преображенной в юношу перед уходом в нирвану) говорят нам о неоднозначности отношения буддизма к женщине, что, впрочем, не отменяет его гендерного универсализма как мировой религии.

Ранние ограничения на достижение женщиной состояния будды были позднее отменены в «Лотосовой сутре», открывшей прямой путь к просветлению для женщин, равно как и для мужчин [6]. Так, Яшодхара, бывшая жена Будды Шакьяму-

ни и мать его единственного сына Рахулы, позднее стала монахиней-бхикшунни и архаткой. В тантрической иконографии школы Ваджраяна встречаются изображения женщин-Будд в союзе Блаженства и Пустоты. А в буддизме Махаяны приход к состоянию Будды считается реально достижимым и является общей целью всех последователей Махаяны. В XX веке тибетская монахиня Тенцин Палмо школы Друкпа Кагью заявила: «Я дала обещание, что достигну Просветления в женской форме — и не важно, сколько жизней на это понадобится» [7. С. 5]. Предварительный вывод, который мы можем сделать, анализируя концепцию гендера в буддизме Махаяны и Ваджраяны, — это преобладание универсальной этики гедерного равенства в случае духовно равного потенциала мужчин и женщин на их пути в просветление. В этом можно увидеть классический прообраз современного марксистского феминизма и фрейдомарксизма с их тезисами о деле, труде, занятии, профессии как об инструментах, снимающих вопрос о гендерных отличиях, не упраздняя их совсем, но и не придавая им радикального разъединительного предназначения в социуме.

Обсуждение

Истоки нового феминизма, основанного на политике идентичностей и риторике отличий — DifferAnce (мужчина и женщина — не равны, мужчина — не важнее женщины, а, скорее, наоборот, женщина реваншистски начинает управлять мужчиной, ибо женская, гротескно подчеркнутая, чувственная аутентичность должна в обществе в рамках политики протекционизма защищаться законом) — следует искать в полисной системе ценностей Древней Греции, в частности, в угнетенном положении женщин в Афинах, легитимированном античным законодательством. Последнее разделяло женщин на четыре категории: «жены» («ой-курама», «предмет домашней утвари», рожаящий «законных детей»); «куртизанки» (интеллектуально развитые изящные женщины для развлечения), «гетеры» (духовные «подруги», практически наставницы и наперсницы) и «проститутки» (предмет наслаждения). Об этой гендерной типологии на уровне законодательства и публичных речей на агоре говорили Перикл, Солон, Демосфен, Симонид Аморгский и Аристофан. Первые протесты общественности, как ни странно, были направлены против пьес Софокла и Еврипида, где как раз изображались страдания угнетенных противоречивых женщин якобы за «их пороки» (например, «Медея» Еврипида). Эти трагедии вызвали лицемерное возмущение афинской общественности и обвинения в женоненавистничестве, при этом реальное патриархальное угнетение жен знатных афинян на их женской половине («гинекее») при полной невозможности посещать гимназии и обучении лишь дома чтению, письму, кройке и шитью с дальнейшим принудительным выбором супруга никого особо не беспокоило в полисной демократии Афин, в отличие от Спарты, где милитаристское воспитание побуждало к уважению женщин как матерей будущих солдат, позволяя им посещение школ и даже иницируя совместные спортивные турниры девочек и мальчиков.

Духовная революция Христа в гендерном аспекте с его реабилитацией женщины как субъекта духа и тот факт, что много женщин ходили за Ним, свидетель-

ствуя его святость и праведность (Мария, Марфа, Мария Магдалина) [Мк. 16. 9; Ин. 20. 14–17; Мф. 27. 56; Лк. 8. 2], подрывают распределение гендерных ролей в языческом, чисто маскулинном обществе. Также и в родоплеменных военных демократиях варварских племен (у викингов, среди бедных жителей античных полисов — метеков — и среди хтонически настроенных на солярно-вегетативные культы Праматери-Богини племен русичей) в экстремальных условиях выживания проблема женщины не стояла так остро, так как ценился прежде всего человек как боеспособный член племени. Достаточно вспомнить образ Софии, воплощенный в иконе Марии Оранты в Софийском соборе в Киеве, несущий черты древней языческой мудрой богини-защитницы, покровительницы войн и ремесел (Макоши, Афины-Паллады, еврейской Хокмы) [8].

Между тем жены богатых рабовладельцев нигде не учились и не работали. Таким образом, феминизм можно считать продуктом классической европейской демократии и результатом ранней классовой дифференциации, а в модерне — продуктом зарождения буржуазного общества. Карл Маркс и Фридрих Энгельс считали, что, когда классовое угнетение будет уничтожено, исчезнет и половое неравенство. Однако современные социалистические феминисты-марксисты считают наивной подобную точку зрения, согласно которой гендерное угнетение как надстройка идентичностей является подчиненным по отношению к классовому угнетению как к базису экономики, поэтому значительная часть усилий сторонников социалистического феминизма сейчас направлена на отделение инфраструктуры от суперструктуры, что предстает в нашем понимании некоторым недостаточным осознанием ключевого значения базовой травмы как источника ущербности глобального цифрового мультикультурного мира наслаждения посредством Другого и потребления Другого как фантазма (*petit a' jouissance*). Истоки классического европейского феминизма принято датировать концом XVIII — началом XIX века, когда мнение о том, что женщина занимает угнетенное положение в обществе, в центре которого стоит мужчина, стало получать более широкое распространение. Феминистское движение берет начало в реформаторском движении западного общества XIX века. Среди активисток этого времени наиболее известной была София де Кондорсе.

Если мы отследим дальнейшую историю феминизма, нам будет ясна его диффузная и полиморфная природа, зависящая от исторического контекста. В культурологическом дискурсе феминизм представляет собой условное понятие, включающее спектр разнородных идеологий, политических и социальных движений, направленных на достижение равенства экономических, личных и общественных прав для женщин или на преодоление сексизма. Феминистские движения и в прошлом, и в настоящем борются за права женщин: за избирательное право, право занимать государственные должности, право на труд и его равную оплату, право на собственность и наследие, на образование, на участие в сделках, на равные возможности в браке, право на отпуск по беременности и родам, право на телесную автономию и неприкосновенность (защита женщин и девочек от изнасилований, сексуальных домогательств и домашнего насилия). Феминистские движения считаются одной из главных движущих сил крупнейших социальных изменений в области демократии, особенно в западных странах, где их деятельность

почти единогласно признается причиной таких достижений, как появление выборов, возможность репродуктивной регуляции через доступ к средствам контрацепции и абортам, финансовые сделки и языковую нейтральность употребления феминитивов (чего не скажешь о российской транслингвальной презрительной предвзятости к обозначениям «поэтесса» и «поэтка» в культуре художественного слова, например, у Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, считавшими данные слова синонимами истерического сентиментализма в лирике) в английском языке. Хотя феминистские движения были и остаются сосредоточенными в основном на правах женщин, многие феминистки выступают за включение в феминистскую повестку освобождения и мужчин, поскольку патриархальная организация общества, по их мнению, наносит вред и мужским гендерным ролям.

Эволюция западного женского движения отражает упомянутую нами в начале работы транскультурную природу и подразделяется на три волны. Первая волна относится главным образом к суфражистскому движению XIX и начала XX века, в котором ключевыми вопросами были права собственности для замужних женщин и право избирательного голоса для женщин. Первая волна реализовывает себя через просветительские традиции природного права и общественного договора, относясь к классическому либерализму. Следует отметить, что в самодержавной России политических прав, помимо женщин, были лишены и многие другие группы населения, а имущественные права российских женщин были защищены значительно лучше, чем в США, Англии и Франции. Поэтому первоначально женское движение в России сосредоточилось на борьбе за право на высшее образование и связанное с ним право на квалифицированный труд.

Суфражизм нашел небольшое, но яркое выражение в литературе. Сконцентрируем наше исследовательское внимание на феномене женщины-суфражистки — представительницы первой феминистической волны движения — в мировой литературе. Уже к середине XIX века в европейской и американской литературной школе появились интеллектуальные писательницы, номинированные критиками-мужчинами как «*bas-bleu* (синий чулок)», среди которых наиболее яркой личностью является, безусловно, американский литератор, политик, журналистка и критик, философ-трансценденталист, защитница прав женщин на труд и образование, человек с изысканным, обеспеченным ей деспотичным отцом как Большим Другим, европейским воспитанием и воистину американской практической активностью, автор исторического труда «Женщина в XIX веке», опубликованного в 1845 году и считающегося едва ли не первой работой по феминизму [9], — речь идет о легендарной Маргарет Фуллер. Ее имя мало известно в России, в США оно также популярно лишь в узком кругу почитателей, но ее героиня — умная, образованная, тонкая, но невыносимо уродливая женщина с шекспировским именем Миранда, сутулящаяся от своей близорукости, явилась «прототипом» самой писательницы, чья жизнь стала «экстимным» (по Ж. Лакану) кошмаром на грани Реального, связанного с памятью Отца, и Символического, связанного с маргинализацией в обществе того времени. Впрочем, оптимистический момент литературного феминизма Маргарет Фуллер заключается в том, что Миранда (Маргарет) своими харизмой, юмором, иронией, артистизмом, умом и обаянием покоряет блистательного мужчину, доказывая пошлому миру приоритет духа над

телом, остроумия над пошлостью, божественной красоты Ф.М. Достоевского над сиюминутным looking «красавицы». Жизненное творчество Маргарет Фуллер как формула семиотической театрализации ее текста привлекло внимание Жорж Санд, Джузеппе Мазини, Адама Мицкевича, Джорджа Элиота, Эдгара По, вызвав целую серию ее романтических отношений и реальных связей. По большому счету, в литературной истории феминизма это был первый опыт откровенного повествования о собственной нехватке как об избытке и о базовой любовной травме как источнике жизненной силы и смертельного риска.

Под второй волной западного женского движения понимают идеи и действия, связанные с женским освободительным движением, которое начало развиваться на волне информатизации и цифровизации с 1960-х годов и выступало за полное юридическое и социальное равенство женщин и мужчин. Вторая волна отражает процессы поздней индустриализации, приобщения женщин к работе на фабриках и заводах, и она длится до конца 1980-х годов, подпитываемая субкультурой рок-музыки и хиппи. Эта волна была продолжением предыдущей фазы феминизма, включающей суфражисток в Великобритании и США. Безусловным достижением второй волны стала академическая постструктуралистская феминистская теория во Франции. По сравнению с разработками в США и Великобритании французский феминизм отличается более философским и литературным подходом. В работах этого направления можно отметить экзистенциальность, экспрессивность и метафоричность. Французский феминизм мало внимания уделяет политическим идеологиям и сосредотачивается на теориях «тела» (Симона де Бовуар, Юлия Кристева). Вторая волна способствовала оформлению мощной методологической базы феминизма. Феминистская теория включает в себя исследования в области культурологии, антропологии, социологии, экономики, литературоведения, искусствоведения, психоанализа, философии.

В качестве репрезентативных литературных примеров «героинь» второй (социальной, классовой) волны феминизма мы бы выделили не художественных персонажей, а именно реальных поэтов разных времен, женщин, пишущих на новом семиотическом языке XX и XXI веков, которые своим творчеством демонстрируют сильный *Animus*, не теряя при этом в женственности лирики, поскольку достигли подлинно гендерного универсализма, даже если их культурная идентификация далека от ассоциирования себя с марксистским феминизмом. Солидарность и равенство — интуитивные черты их социально направленного и лишенного культа пола и телесности творчества, заставляющего проводить параллели с Егором Летовым, Янкой Дягилевой, Александром Башлачевым. И речь идет не только о классическом и уже упоминаемом нами эпизоде с лирически нежной Анной Ахматовой и иронически страстной Мариной Цветаевой, которые не признавали уменьшительных феминитивов «поэтка» и «поэтесса», толкуя творчество вне гендера и защищаясь от стигматизации женщин-поэтов истерически нарративами тривиальной сентиментальности.

Сейчас мы бы упомянули творчество иных поэтов как выразителей духа феминизма второй волны: Ольги Берггольц, Юлии Друниной, Юнны Мориц, а также современных молодых авторов: Юлии Мамочевой, Анны Ревякиной, Стефании Даниловой и Анны Долгаревой. Всех их объединяют жесткий корневитый

слог, смачная фонетика Владимира Маяковского, аполлоновская ясность мысли в стиле Николая Гумилёва в сочетании с романтическим, символически мистериальным дионисийством Александра Блока, а также рациональная четкость выражения гражданственности, низовой неформальный патриотизм, чисто фольклорная, «богатырская», тяга к архетипам русского смыслового поля, тексты о праведности оборонительной войны и антивоенная пропаганда в случае братоубийства, экзистенциальное отчаяние и наличие в стихотворениях полифонического подтекста, позволяющего выражать традицию в современной форме. Они живут в наше симбиотическое гибридное время, и концептуально соборный синтез диалектически переосмысленного советского наследия, художественной классики Золотого и Серебряного веков, тоники эпохи шестидесятников, структурного психоанализа в искусстве, экранной культуры как формы выражения слова в образе клипа, рок- и рэп-традиции, фольклорного Логоса для них — органичен.

Упомянутые мной поэты — профессионалы, для которых (по их собственным неоднократным утверждениям) гендер не имеет смысла в условиях профессионального выполнения своих обязанностей любым человеком: в литературе, публицистике, журналистике, бизнесе, военном деле, театре и т.д. Что также немаловажно, многие из них при разнообразии личной жизни создают образы ярко патриархальных героинь в стиле Царь-Девы Марины Цветаевой (поэма «Шахтерская дочь» Анны Ревякиной), художественная читка Юлией Мамочевой в экспериментальной пьесе Андрея Иванова «Это все она» в театре МХАТ, международный арт-проект Стефании Даниловой — антология, куда вошли стихотворения десятков стран мира о борьбе с пандемией COVID-19, объединившие именно людей, а не мужчин и женщин, вокруг всеобщей планетарной катастрофы). В классическом уже трагическом сборнике «Уезжают навсегда» поэта Анны Долгаревой ставшая крылатой ее фраза: «В гильзу от АТС помещается 20 грамм в данном случае — виски» [10. С. 31] — с удивительной простотой выражена почти апостольская миссия нивелиации раскалывающей роли полов в экстремальных условиях сестринства как братства и братства как сестринства в ситуации войны, где вместе работают парни и девушки, дети и старики, солдаты и военкоры. Пожалуй, мы рискнем провести компаративную ассоциацию и сделать смелый вывод о том, что подобная лирика сопоставима с лучшими «женскими» («мужскими», по сути) песнями времен Великой Отечественной войны, исполняемыми Клавдией Шульженко и Ниной Ургант. Вторая волна феминизма демонстрирует органичное мужество женщины, не теряющей своего призвания к любви и материнству, но сохраняющей гармонию архетипов духа и души в аналитической психологии К. Юнга, а также, по структурной антропологии Воображаемого Ж. Дюрана, сизигию диурна (дневного мужского режима героической борьбы со смертью) и ноктурна (ночного женского режима мудрого принятия смерти как друга).

Вторая волна феминизма продолжает свое существование и сейчас и сосуществует с более радикальным лагерем, обозначаемым третьей волной феминизма и свойственным чисто сетевому постиндустриальному информационному обществу. Если первая волна сосредотачивалась на борьбе за равные избирательные права мужчин и женщин, вторая волна концентрировалась на всех аспектах юри-

дического и социального равенства и ликвидации дискриминации полов как таковой, то третья волна феминизма (Ребекка Уолкер, Наоми Вульф, Валери Брайсон, Кейт Миллет, Джудит Батлер) [11] является не просто продолжением второй волны и реакцией на ряд ее неудач. В отличие от первых двух, она подменяет социально-этический универсализм солидарности, в равной степени свойственный и марксизму, и традиционным мировым религиям (буддизм, христианство), фантазмом корпоративной партикулярной матрицы акцентуации репрессивных отличий, свойственной монопольному рынку трансэкономики, трансполитики, транссексуальности и транскультуры как феноменов трангрессии (проекции наружу) желаний вообще. Появление третьей волны относят к 1990-м годам правой реакции в США и связывают с так называемыми сексуальными войнами между феминистками. Третья волна феминизма так же пестра, как и породившее ее постиндустриальное общество меритократов и хипстеров «цветного тренда»: ее характерными чертами является смесь компонентов квир-теории, антирасизма, анархо-синдикализма, инди-панк-рока, вуманизма, постколониальной теории, экзистенциализма, коммунизма, постмодернизма, транснационализма, киберфеминизма, экофеминизма, индивидуалистского феминизма, трансгендерности и др. В рамках третьей волны складывается разветвленная классификация моделей современного феминизма: лесбийский, либеральный, духовный, индивидуалистический, мультикультурный, мужской, постмарксистский, постколониальный, психоаналитический, радикальный, социалистический, сепаратистский, экзистенциальный и т.д. Интердискурсивность и полицентризм обеспечивают рыхлую, текучую структуру постмодерного феминизма.

Последний виток развития феминизма — третью волну этой парадигмы — можно расценивать как очередную попытку общества *modernity* к гомеостатическому инерциальному воспроизводству за счет ритуальной постмодерной критики. Отрицание за постмодерном философской и прикладной самостоятельности (Ю. Харбермас, Б. Хюббнер) не помешало отдельным представителям американского цивилизационного и частично релятивистского подхода (С. Хантингтон), настаивая на культурологической парадигматике «Восток — Запад», предпринять попытку переосмыслить Запад в качестве «постколониализма» в рамках ставшей уже тривиальной «постструктуральной» культурной антропологии «мягкой силы» «аккультурации» Востока как «своего Другого» (к чему склонялись также софтоглобалисты третьей волны М. Кастельс и У. Бек).

Третья волна феминизма принадлежит к несколько иной эпистеме, обозначенной в рамках классификации мультикультурализма у О. Радтке как «реактивный мультикультурализм» «низов» (радикально «левого» или — чаще — радикально «правого» толка, вплоть до антиглобализма), для определения которого сейчас используется понятие «альтермодерный», «критический», «деколониальный» «поворот», социальную базу которого составили этнические меньшинства Африки, Южной Америки и США (латинос), подверженные длительному геноциду. Дифференцируем некоторые терминологические тонкости. «Альтермодерн», например, у искусствоведа и арт-куратора Н. Буррио используется как художественный термин для определения культурных гибридов арт-рынка (весьма приблизительные синонимы термина: «этнофутуризм», «неофольклоризм», «транскультура»,

«кросскультурность»), а в социально-политическом дискурсе (А. Морита, Р. Робертсон) «альтермодерн» означает «мягкую критику» вестернизации при допущении глобальных информационных технологий (тоже весьма приблизительные синонимы: глоболокализация, глокализм, трансформизм, реформаторство, «четвертая волна», софт-традиционализм). В данном же случае речь идет о чем-то несомненно большем — о довольно радикальном проекте новой мифологической, автобиографической и географической памяти, который разработали угнетаемые группы для деконструкции современного западного общества в целом на основании реванша за репрессивную роль капитала, знания, государства, господствующего языка и расы при открытии Нового света Старым, включая гендерное давление со стороны имперских англо-саксонских элит, внушивших местному населению безальтернативность («мужество лишенных надежды» по Д. Агамбену) пути западного капитализма [12]. В наиболее радикальных формах деколонизация связана даже с антиглобализмом — мексиканским сапатизмом и Всемирным социальным форумом в Порту-Алегри.

Безусловными научными достижениями деколонизационного мышления является острая критика имперской эпистемологии, мондиализма, картезианского монологического логоцентризма, западной метафизики через дерридианскую грамматику, осуждение нарративов сциентизма, позитивизма, феноменологического регионализма и постколониальной этнографической описательности якобы «целостности» современных «экзотических» культур, каждая из которых изнутри — неоднородна, расколота, ущербна, несет в себе универсальную базовую социальную травму. Впрочем, «уже-вписанность» (выражение С. Жижека и постлакановской школы Люблин) деколонизационной парадигмы в матрицу неолиберального мира — через «реактивный» мультикультурный глобализм, консервативный постмодерный плюрализм, культуралистский сдвиг классовых противоречий центра и периферии глобальной экономики, телесную политику с ее «онтологизацией» истории как отсроченного Откровения «Золотого века» у аборигенов, акцентуацией хайдеггеровского «бытия-к-смерти» и трансгрессией биополитики, в частности, прагматическим синтезированием партнерских (?) усилий форумов глобалистского Давоса и антиглобалистского Порту-Алегри — не позволяет нам однозначно считать данную парадигму проявлением «радикального разрыва» в значении «истины-события» А. Бадью, поскольку именно вулгаризированная «гротескная» деколонизационность рождает типично глобалистские эко-, «цветные», квир- и ВЛМ-тренды преимущественно в манипулятивном аспекте, нивелируя тем самым свою изначальную теоретическую и прикладную ценность подлинных феноменов диалога, универсальной этики, идеалов единства во многообразии, полифонии и реального интернационализма. «Здесь важно иметь в виду, что мы стремимся не изучать границы и тех, кто их пересекает, а *быть* границей и *думать* с пограничья, пересоздавать географические фронтиры, имперско-колониальные субъектности и территориальные эпистемологии. В 1903 году афроамериканский социолог Уильям Дюбуа, автор концепции двойственного сознания, писал, что проблемой XX века станет проблема цвета кожи. Проблемой же XX века, по-видимому, станет не цвет кожи, а “цвет разума”, проблема водораздела, но не просто расового, а эпистемологического», — справед-

ливо указывает одна из учредительниц проекта М. Тлостанова [12. С. 5], избегая номинации вакуума со стороны все той же символической структуры колониализма (показательны эпистемологически точные афористические цитации антиглобалистов, если мы имеем право на данное определение: “To be present but not represented” в бадьюанстве, “Learning to unlearn” у М. Тлостановой в соавторстве с В. Миньоло [13]).

Феминизм третьей волны, на наш субъективный взгляд, представляется проявлением именно не онтологически адекватного «деколониального мышления» с позитивной программой действий, но реваншистским симптомом постструктуралистской изнанки супер-структуры современного колониального общества, фантазмом «темного Логоса» коллективного англо-саксонского Запада, играющего по его же правилам и на его же поле, обходясь исключительно «косметологией», без попыток капитального ремонта. Этот феминизм отказывается от понимания женской гетеросексуальности как нормы и высоко ценит сексуальность лишь как инструмент раскрепощения женщин в сторону перверзий (включая права ЛГБТ). Феминизм третьей волны также критикует присущий второй волне классический эссенциализм в определении женственности и женского опыта за чрезмерную сосредоточенность на опыте белых женщин среднего класса. Феминистки третьей волны уделяют большое внимание микрополитике в сексуальности маргинальных женских меньшинств (цветных, эмигранток, безработных и т.д.). Феминизм третьей волны вобрал в себя многие тезисы, сформулированные активистками второй волны, но, поскольку этот феминизм занимал там маргинальные позиции, травматическим реваншем стало смещение базового конфликта от классового (марксовского) к вторичному, связанному с сексуальными, расовыми и культурными отличиями, что привело к радикальному культуризму — стилизации экономических отличий под цивилизационные, что вообще является типичным синдромом неолиберальной гегемонии.

Подобное смещение зафиксировано в «политике идентичности» и в «теории привилегий», согласно которой, даже если какая-либо социальная группа не подвергается дискриминации официально, она все равно может страдать от отсутствия «привилегий», которые имеются у других социальных групп. Теория привилегий фактически привела к господству меньшинств над большинствами и женщин над мужчинами. В наиболее радикальной интерпретации, представители «привилегированных» групп населения вообще не имеют права на какую бы то ни было критику в адрес «непривилегированных». На основе теории привилегий развивается радикальный феминистский неолиберализм, отстаивающий идеи протекционистской политики в отношении женщин. Таким образом, феминизм прошел путь от концепций гендерно-нейтрального законодательства до концепций гендерно-чувствительной политики и протекционистского законодательства, позволяющих женщинам не просто получать равные права с мужчинами, но и доминировать над ними. Новые постмодерные феминистские концепции протекционистского законодательства широко критикуются сторонниками классического либерализма, так как идеи позитивной дискриминации противоречат идеям равенства и индивидуальной свободы вообще.

Одним из ключевых элементов современной феминистской парадигмы является теория интерсекциональности, согласно которой различные формы угнетения (сексизм, патриархат, расизм) носят системный характер, пронизывают все общество, все социальные институты и уровни социального взаимодействия, укрепляют и поддерживают друг друга. К важнейшим отличительным чертам новой феминистской теории также относится последовательная критика традиционного научного знания. Феминистская теория критикует традиционную философию, науку, литературу и другие «авторитетные» в их понимании способы описания мира, создаваемые с точки зрения социально привилегированных мужчин (вплоть до фольклора, мифов и детских сказок). Некоторые радикальные феминистки полагают, что в обществе существует основанная на мужском начале структура власти и эта структура является причиной угнетения и неравенства, и пока вся эта система и ее ценности продолжают существовать, никакие значительные реформы общества невозможны, и они не видят другой альтернативы, кроме полной деконструкции общества для достижения своих целей. Зарождается мнение, что мир был бы значительно лучше, если бы в нем было намного меньше мужчин. Отсюда — критика гетеросексуальности, традиционной семьи, вагинального оргазма, любви и секса как стратегий подчинения, традиционного равенства как мужского паттерна и обоснование господства женского гомосексуализма.

Типичными примерами женщин — выразительниц третьей волны постмодерного неолиберального феминизма в литературе — являются страдающие, эгоистические и божественные героини романов Милана Кундеры. Ярким концентратом носительниц этих умонастроений является художница Сабина из «Невыносимой легкости бытия» [14], предавшая все и всю себя в ценностном измерении — до такой степени, что отсутствие предметов для дальнейшего предательства обесмыслило ее бытие, вызвав тотальное отчуждение, утрату веры, нравственный упадок, эстетические перверзии, эротический хеппенинг и декадентство, божественные увлечения, тщеславный карьеризм, экзотику символической репрезентации своей личности, трансгрессию, увлекательную трагическую игру с фантазмами смерти, внутреннюю и внешнюю миграцию (впрочем, в любом случае ее не устроившую) и сокрытие от себя же самой своего «сшитого» симптомами Воображаемого бессознательного — пустыни Реального — вакуума, пронизанного «открытым швом» садомазохистского расчесывания раны, зияния, продирающегося сквозь расходящиеся знаковые спайки самоутешительных иллюзорных историй. В результате «невыносимая легкость бытия» эмансипированной героини раскрылась здесь как культурная шизофрения, тяга к трендам и к моде при одновременной демонстративной ретроспективности, как двойной код, трагический юмор возвышенного и смешного (история, созвучная роману «Шутка»), как эстетическая либеральная ирония, как кризис метафизической идентичности, как принудительность наслаждения без его удовлетворения, как релятивное чередование невроза и депрессии, как утрата веры и тяга к символической репрезентации своей и чужой телесности, как безумно страдающий нехваткой тоски по родине космополитизм, как невозможность номинировать свой вакуум в символической структуре события ни социальными установками социализма, ни

буржуазными нарративами американизма — все это превращает Сабину в героиню философской эссеистики Дж. Батлер или персонажа фильмографии Д. Линча. Но эти же качества придают ей удивительную, отличную от постмодерной симуляции, правдивость: феминистически настроенная Сабина, тем не менее, не смешивает публичный и приватный сектора бытия и не превращает свою жизнь в медиаперформанс, что обычно свойственно гиперреализму и экстатической коммуникации экранной клиповой культуры постмодерна.

Взаимно божественная, почти мифологическая, синхронная смерть двух других главных героев романа, Томаша и Терезы, отдавших предпочтение не богемной невесомости жизни, а моральному весу традиции как модерной «легкой тяжести» бытия, выносимого, как креста, перед невыносимостью пустоты, постмодерной «тяжкой легкости» без-бытийности как симулякра — это истинное событие повергает стареющую Сабину в смутное «кладбищенское» сомнение о правильности прожитой жизни, где наслаждение (*La Jouissance*) Другим как *petit a* «свободное» понимание любви как очарования господствующим означающим всегда превалировало над реальностью семейной и/или дружеской духовной любви (*агаре, κάθαρση*) как осознанного слияния нехваток и травм любящих в откровенной реальности их сакрального и профанного опытов по А. Зупанчич (в данном случае — любви Томаша и Терезы, «толстовский» и «кантовский» дух моральных императивов которых, сопоставимый с Кити и Левиным, четко прослеживается в метафорической кличке их собаки — символа их взаимной верности — «Каренин»).

Заключение

Модерное движение за равенство полов трансформировалось в постмодерное утверждение неравенства полов и, как следствие, — господства женщин над мужчинами. Служение уступило место наслаждению, катарсис — экзерсису, этика — эстетике, модерн — постмодерну. Мультикультурность и интертекстуальность обратились новой тотальностью. Радикальный феминизм является результатом господства неолиберализма как поздней формы гиперглобализма. Парадокс радикального феминизма заключается в том, что в каком-то смысле слова феминистки выступают против не только различных «отсталых» форм социального устройства, но и против нынешней либеральной демократии западного типа, их же и породившей. Из многочисленных идей радикального феминизма стоит упомянуть «лесбийский сепаратизм». Она состоит в том, что женщины вообще не должны вступать в сексуальные отношения с мужчинами, потому что любая форма сексуальных отношений с мужчиной так или иначе становится продолжением многовековой традиции угнетения. Ритуалы романтической влюбленности, например, — не более чем форма покупки женского тела и контроля над женскими эмоциями.

В неолиберальном обществе четко устанавливаются две условные политические ветки радикального феминизма: «правая» и «левая». Согласно этой дихотомии, женщинам предоставляется выбор — либо быть такими же, как мужчины (марксистское классовое профессиональное равенство на работе, в творчестве и

на войне), либо быть отличными от мужчин (неравенство, отрицание эгалитарности как скрытой формы маскулинной агрессии, гротескная гипербола феминности в стилистике). И если левый феминизм настаивает на расширении доступа женщин к мужским видам труда и одежды, то правые считали это очередной формой насилия, вернув миру агрессивный макияж и каблуки (как традиционные атрибуты угнетения, ставшие символами нетронутой эмансипации). По большому счету, оба направления феминизма третьей волны — «правый» и «левый» — являются составляющими неолиберального мира — кокона, который устанавливает условные оппозиции, апроприируя все иррациональные формы протеста, блуждающие избытки и маргинальные движения, превращаемые им в «бунт на продажу», карманную оппозицию, ритуальное показное самоуничтожение для продолжения инерции гомеостаза непрерывно перегружающейся самовоспроизводящейся системы. Именно неолиберализм является главным отличием современного феминизма от классического. Феминизм первой и второй волны (просветительский и индустриальный) были эгалитарно универсальными, неолиберальный феминизм — ярко партикулярный, как зеркало монопольного рынка, являясь иллюзией выбора между одинаково номинированными им же правым культом отличия Fa и левым культом равенства Antifa. Риторика отличий приводит к провокации искусственного раскола между мужчинами и женщинами, различными этническими, социальными и религиозными группами, что соответствует политике «военного пацифизма»: разделять и властвовать.

Таким образом, радикальный неолиберальный феминизм декларируется как постмодерная политически ангажированная практика женского реваншизма. Как любой неототалитаризм (нацизм, расизм, фашизм, фундаментализм), радикальный феминизм возникает из состояния зияния, порожденного релятивацией ценностей и кризисом метафизической идентичности, свойственными для постмодерна. Как любой радикализм, новый феминизм, порожденный и используемый либерал-демократией как средство укрепления своей власти через разделение людей, начинает самоотрицать свое же материнское плато — неолиберализм. Он выходит из-под контроля благодаря анархической маргинальности BLM-тренда. На этом поддержка, оказываемая неолиберальными феминистками моноэтническим и явно патриархальным националистическим лидерам, которые в их глазах должны были бы служить символом патриархального угнетения, свидетельствует в пользу союза национализма с либерализмом, этницизма с космополитизмом, в символическом порядке глобальной культуры, где префикс «транс» из формы диалога становится формой *la jouissance*.

Литературная история феминизма в культурологическом ключе от эмансипации и катарсиса до потребления и наслаждения создала блистательные образы прогрессивных и трансгрессивных героинь своего времени, которых мы рассмотрели на примере творчества относительно мало известной писательницы Маргарет Фуллер и всемирно популярного писателя Милана Кундеры, чьи героини (Миранда и Сабина соответственно) «замыкают» начало суфражистской первой и конец неолиберальной третьей волн феминизма, а в качестве представительниц второй (социальной) волны мы выделили классических и современных русских поэтесс, чьи архетипы и смыслы творчества выражают конструктивный диалог

традиции и инновации, метафизики и диалектики, времени и пространства, интернационализма и патриотизма, смысловых инвариантов цивилизационной памяти и современных информационных технологий.

Список литературы

1. *Бадью А.* Бег по замкнутому кругу // Интернет журнал «Лива» [Электронный ресурс]. URL: <http://liva.com.ua/finitude-badiou.html> (дата обращения: 19.04.21).
2. Therigatha. Verses of the Elder Nuns. Poems of Early Buddhist Nuns. Oxford: Pali Text Society, 1989. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/thig/> (дата обращения: 19.04.21).
3. The Buddhist Monastic Code. Volume II. The Khandhaka Rules. Metta Forest Monastery: Valley Center, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.greatwesternvehicle.org/ati_website/lib/authors/thanissaro/bmc2/index.html (дата обращения: 19.04.21).
4. Maha Prajnaparamita Sastra. The Bahudhātuka-sūtra (sutta). Part 2. Bahudhātukasutta of Majjhima, III. By Gelongma Karma Migme Chödrön, 2001. 723 p. Pp. 64–67. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wisdomlib.org/buddhism/book/maha-prajnaparamita-sastra/d/doc225970.html> (дата обращения: 19.04.21).
5. Ārya suvarṇaprabhāsottama sūtrendrarāja nāma mahāyana sūtra. The Sutra of Golden Light. Oxford: The Pali Text Society, 2001. 92 p. [Электронный ресурс]. URL: https://fpmt.org/wp-content/uploads/teachers/zora/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (дата обращения: 19.04.21).
6. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Sad-dharma-puṇḍarīka-sūtra. Токио: Иванами сётэн, 1962–1967. [Электронный ресурс]. URL: <http://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Caddharma-pundarika-cutra.htm> (дата обращения: 19.04.21).
7. *Mackenzie V.* Cave in the Snow. Great Britain: Bloomsbury, 1998. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tsemrinpoche.com/download/Biographies-Autobiographies-Works/en/Vicki%20Mackenzie%20-%20Cave%20in%20the%20Snow%20\(Tenzin%20Palmo\).pdf](https://www.tsemrinpoche.com/download/Biographies-Autobiographies-Works/en/Vicki%20Mackenzie%20-%20Cave%20in%20the%20Snow%20(Tenzin%20Palmo).pdf) (дата обращения: 19.04.21).
8. *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской. К.: Дух і література, 2001.
9. *Fulle M.* Woman in the nineteenth century. New York: Greeley & McElrath, 1845. 216 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/womaninnineteent1845full/page/n215/mode/2up> (дата обращения: 19.04.21).
10. *Долгарева А.П.* Уезжают навсегда. Луганск: Большой Донбасс, 2016.
11. *Батлер Дж.* Психика власти. Теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
12. *Тлостанова М.В.* Деколонизация гуманитарного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 5–14. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-1
13. *Tlostanova M., Mignolo W.* Learning to Unlearn Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas. The Ohio State University: Press Columbus, 2012. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Tlost_Mig_Book4CD.pdf (дата обращения: 19.04.21).
14. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. Вальс на прощание. Бессмертие: романы. М.: Иностранка, 2014.

References

1. Bad'yu, A. 2014. "Beg po zamknutomu krugu". Internet zhurnal «Liva». Web. <http://liva.com.ua/finitude-badiou.html> (date of access 19.04.21). (In Russ.)
2. Therigatha. Verses of the Elder Nuns. Poems of Early Buddhist Nuns. 1989. Oxford: Pali Text Society. Web. URL: <https://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/thig/> (date of access 19.04.21).

3. The Buddhist Monastic Code. Volume II. The Khandhaka Rules. 2002. USA, Metta Forest Monastery: Valley Center. Web. URL: http://www.greatwesternvehicle.org/ati_website/lib/authors/thanissaro/bmc2/index.html. Web (date of access 19.04.21).
4. Maha Prajnaparamita Sastra. The Bahudhātuka-sūtra (sutta). 2001. Part 2. Bahudhātukasutta of Majjhima, III. By Gelongma Karma Migme Chödrön. Web. URL: <https://www.wisdomlib.org/buddhism/book/maha-prajnaparamita-sastra/d/doc225970.html> (date of access 19.04.21).
5. Ārya suvarṇaprabhāsottama sūtrendrarāja nāma mahāyana sūtraю. The Sutra f Golden Light. 2001. Oxford: The Pali Text Society. Web. URL: https://fpmt.org/wp-content/uploads/teachers/zopa/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (date of access 19.04.21).
6. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sad-dharma-puṇḍarīka-sūtra. 1962—1967. Tokio: Ivanami setehn publ. Web. URL: <http://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Caddharma-pundarika-cutra.htm> (date of access 19.04.21). (In Russ.)
7. Mackenzie, V. 1998. Cave in the Snow. Great Britain: Bloomsbury publ. Web. URL: [https://www.tsemrinpoche.com/download/Biographies-Autobiographies-Works/en/Vicki%20Mackenzie%20-%20Cave%20in%20the%20Snow%20\(Tenzin%20Palmo\).pdf](https://www.tsemrinpoche.com/download/Biographies-Autobiographies-Works/en/Vicki%20Mackenzie%20-%20Cave%20in%20the%20Snow%20(Tenzin%20Palmo).pdf) (date of access 19.04.21).
8. Averintsev, S.S. 2001. K uyasneniyu smysla nadpisi nad konkhoi tsentral'noi apsidy Sofii Kievskoi. Edited by N.P. Averintseva and K.B. Sigov. Kiev: Dukh i literatura publ. Print. (In Russ.)
9. Fulle, M. Woman in the nineteenth century. 1845. New York: Greeley & McElrath publ. Web. URL: <https://archive.org/details/womaninnineteent1845full/page/n215/mode/2up> (date of access 19.04.21).
10. Dolgareva, A.P. 2016. Uezzhayut navsegda. Lugansk: Bol'shoi Donbass publ. Print. (In Russ.)
11. Batler, Dzh. 2002. Psikhika vlasti. Teorii sub"eksii. Khar'kov: KHTSGI; Saint Petersburg: Aleteiya publ. Print. (In Russ.)
12. Tlostanova, M.V. 2009. Dekolonizatsiya gumanitarnogo znaniya // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy 1: 5—14. doi: 10.22363/2313-2302-2021-25-1 Print. (In Russ.)
13. Tlostanova, M., and Mignolo, W. 2012. Learning to Unlearn. Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas. The Ohio State University: Press Columbus publ. Web. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Tlost_Mig_Book4CD.pdf (date of access 19.04.21).
14. Kundera, M. 2014. Nevynosimaya legkost' bytiya. Val's na proshchanie. Bessmertie: romany. Moscow: Inostranka publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бильченко Евгения Витальевна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, ведущий научный сотрудник отдела экранной культуры Института культурологии Национальной академии искусств Украины. E-mail: yevzhik80@gmail.com

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9662-0594>

Bio Note:

Ievgenia V. Bilchenko is a Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of Culturology and Philosophical Anthropology of the National Pedagogical Dragomanov University, Leading Researcher of the Screen Culture Department of the Institute of Cultural Studies of the National Academy of Arts of Ukraine. E-mail: yevzhik80@gmail.com

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9662-0594>

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-295-300

Research Article

Diversity of Genre in Post-Colonial Literature

N.F. Shcherbak

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russian Federation

Abstract. The main aim of this article is to outline main tendencies in the development of post-colonial literature in the face of Jean Rhys and her novel *Wide Sargasso Sea* as a vivid example of starting attempt to break a white-domeering view of Asian countries and build up a new identity. Research attempts to refer to a wider scope of literary texts, including the ones that outline issues and problems related to the so-called “invasion narratives”. The term “invasion narratives” is seen as referring to a number of different texts, including *English Patient* by Michael Ondaatje or *the Reader* by Bernhard Schlink. One of numerous possibilities of analyzing post-colonial literature is the analysis of the novels by Zadie Smith *White Teeth* and *on Beauty*, the latter being a good example of a return to “realism” and actualizing what is called coined as “the meanwhile”. Special attention is given to meta-modernism and its function on the contemporary cultural and literary scene, above all with its attempt to start a neo-romantic “direct” kind of prose, or verse, simple in its form, yet aiming to construct new identities. This kind of prose incorporates the narratives exploring different traumas, including trans-generational traumas.

Key words: post-colonial literature, post-colonial theory, post-colonial reading, post-colonial thinkers

Article history:

Article history:

Received: 27.04.2021

Accepted: 29.06.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shcherbak, N.F. 2021. “Diversity of Genres in Post-Colonial Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 295–300. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-295-300

© Shcherbak N.F., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Проблематика жанра в постколониальной литературе

Н.Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9

Аннотация. Основная цель данной статьи — очертить основные тенденции развития постколониальной литературы в романе Джин Рис «Широкое Саргассово море» как ярком примере стартовой попытки сломить доминирующий взгляд на страны — бывшие колонии и выстроить новую идентичность для героев. В некоторых исследованиях обращаются к более широкому кругу художественных текстов, в том числе к тем, в которых излагаются вопросы и проблемы, связанные с так называемыми нарративами вторжения (invasion narratives). Термин рассматривается как относящийся к ряду различных текстов, в том числе к роману «Английский пациент» Майкла Ондатье или книге «Чтец» Б. Шлинка. Одной из многочисленных возможностей анализа постколониальной литературы является анализ романов Зади Смит «Белые зубы» и «О Красоте», последний является хорошим примером возврата к «реализму» и актуализации того, что называется «одновременно протекающими событиями» (meanwhile). Особое внимание уделяется метамодеэрнизму и его функции на современной культурной и литературной сцене, прежде всего с его попыткой создать «неоромантическую» прозу, простую по своей форме, но нацеленную на создание новых идентичностей с собственных правил построения. Этот вид прозы включает в себя повествования, исследующие различные травмы, в том числе травмы трансгенерационные.

Ключевые слова: постколониальные исследования, нарратология, постколониальная теория

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.04.2021

Дата принятия к печати: 29.06.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Щербак Н.Ф. Проблематика жанра в постколониальной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 295—300. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-295-300

Introduction

Post-colonial literature covers a wide range of different novels depending on the time period, country, tradition of the narrative construction. The main aim of this research has been to identify the main tendencies in the development of post-colonial narrative (Anglophone literature) as regards the question of the author's and the character's identity. The objective and new contribution of research and semantic and structural analysis was

to see the main vector of development of post-colonial literature in the face of classical writers like J. Rhys. Special attention is given to the vector of development observed in post-millennial literature which shows a vivid trend of changing the structure of the so-called “invasion narratives”, as well as opting for the so-called “return to realism” or an attempt to construct “reality” in a different way, opting for what Anderson coins as “meanwhile” phenomenon. Meta-modernism and an attempt to simplify the texts, making it an event at the moment of construction is also viewed.

Methodology and methods of this research includes biographical and structural and semantic analysis of literary texts that comprise Anglophone literature. Certain subject areas like meta-modernism and “invasion narratives” are explored, together with narratives that feature traumatic experiences and trans-generational trauma.

Discussion

The number one issue, that is related to the characteristics of post-colonial literature, is the idea of a re-make that is manifested in the attempt of many writers to take a famous topic or a book and change it, making an “oppressed” identity the main one. That is quite vivid in J. Rhys’s *Wide Sargasso Sea* (1966) in which she famously changes the fate of Mr Rochester’s first wife who had been placed in the attic by the 19th century classical writer Ch. Bronte, and constructed in *Jane Eyre* as a mad woman who is later in the novel “burned” by the author and is, in other words, reduced to a minimum and disregarded as a participant or a character. *Wide Sargasso Sea* beautifully done by J. Rhys is a manifestation of a creole identity that comes in place of an old and stereotypical one, the one who succumbs to men’s values and adheres to a domineering view.

Secondly, as pointed out by Wilson [1. P. 47–66], contemporary literary writers (and critics) have faced a difficult period of “post-millennial” shift. For many critics, the contemporary novel has rejected a postmodern playfulness that draws attention to textuality and exhibits a scepticism about the nature of representation. Instead, it attempts to reattach itself to what is usually called ‘the real’ and a new seriousness in narrowing the gap between fictional representation and the world around it. This concerns, above all, Zadie Smith. In her earlier novel *White Teeth* (2000) she attempts at combining different traditions.

The post-colonial tradition in Anglophone literature assumes, first of all, that traditions, cultural and historical, are combined and coexist in the text. There isn’t a story, there are many stories, there is clearly a spectrum of their interweaving and interaction. Episodes of history are multidirectional, because there is no common cultural tradition or stereotype. The identity of the hero Zadie Smith called Samad is outlined in the novel through the prism of a sense of pride in the life of Mangal Pandey, a famous character whose actions at one time provoked a famous event in history — the Sepoy Uprising in 1847, when the British forced Indians (Hindus and Muslims) to use fat from pigs and cows to lubricate guns (which was impossible for representatives of both religions, and which caused colossal bloodshed in history). The image of Archie is realized in the text due to the fact that he was saved from the idea of suicide by meeting his new wife, whose mother had previously lived in Jamaica and had been taken to the continent by an English colonizer.

Critics note that the main theme of Zadie Smith's novels is confusion, characteristic of most post-colonial texts and labelled as a confusion in a sense of mixed identity, which gives her books a certain comical tone. Magid, one of the characters in *White Teeth*, comes to England and no longer feels like an Indian. On the contrary, he feels one hundred percent English (much more native than the English have ever felt). Similarly, the Japanese-born author K. Ishiguro wrote the novel *Remains of the Day*, in which the traditional image of the English butler, honest, clean, reserved, correct, with great dignity, is outlined and written about with more precision than any English author has ever done. Millat, another Zadie Smith's character, has fallen under the influence of an Islamic group: instead of acquiring an ambiguous, hybrid identity, he becomes a trivial nationalist. It is funny and quite revealing how the episode of the undoubted faith of the inhabitants of the former colonies is described.

On Beauty (2004) is a later novel by Zadie Smith which explores mixed and shared identity of the couple leaving in the USA. As was pointed by Wilson [1. P. 47—66], *on Beauty* allows to construct the “we” narrative, uniting different identities and building it up as a global one, at the same time showing the differences by means of a so called “meanwhile” which (according to Anderson) allows to show the simultaneous development of different episodes and making the whole story “real” which aims at post-millennial ambition of a return to realism on a different level.

Thirdly, a most intriguing and interesting dimension of post-colonial writing is the topic of the so-called “invasion narratives” which incorporates a wide range of texts, including the ones related to Second World War (retrospective, or constructed with built-in flashbacks). The topic allows to explore the War, in general, and the Second World War, in particular, from a different perspective. The authors who approached the topic are numerous and they have used a number of techniques to do so. Yanush Vishnevsky in his novel *Bikini* (2009) is using a number of archive materials to construct a story of the Second World War events. The tool used in the novel's construction is a combination of the archive materials and real data with fictitious events.

The Reader (1995) by B. Schlink attempts to address the main issues of the history not by changing them in a sense of the point of view, but by means of addressing the issue of the morale not intrinsic to the Germans only but characteristic of people in general [2]. The story explores the turbulent life of the concentration camp supervisor who seduced a younger boy and yet managed to escape the punishment. The sequence of events shows that the qualities she possesses are weird yet adhere to human laws. The fact of being an assassin and killer can't be justified by normal logic, yet the author manages to persuade the reader to see something else behind the character, that is the character's own ways of coping with reality, being punctual and too shy of being illiterate. At closer look it is the boy himself who turns out to be even more cruel than the concentration camp supervisor. A person in a system is somebody who is not free at all. This view over centuries ahead on different agendas is what makes the book unique and powerful.

The English Patient (1992) by Ondaatje [3] is another example of post-colonial literature in a sense of its attempt to build up a story set during the Second World War times, and change the perspective of well-established “rules” and “schemes” that are in play when developing the narrative. The main character in this novel “betrays” his friends and colleagues in the attempt to save his beloved woman, and gives away all the secrets to Germans, because at previous attempt his name was not recognized as “non-German”

thus not allowing him to prove his identity. Change of a well-established identity “not to give away” secrets and not to attempt treason under any circumstances is challenged by the main character, thus providing special tension in the novel. However, the “values” are not challenged entirely, as other characters in this book (the nurse, the Indian character), all of the others, go through the difficulties and end up with dignity allowing the “English patient” to perish and pay the price for valuing love more than honor, and dignity.

Fourthly, and not least importantly, is, of course, the “invasion narratives”, involving aliens as characters, the tradition similar to the famous story of *the Birds* by Daphne du Maurier in which she describes the attack of birds on humanity. This sort of anti-utopian trend in science fiction (or “the invasion narratives” per se), allow to label this tendency as certain “blending” and “mix” of genres not only in post-colonial texts, but also in texts that construct a diverse identity of participants.

John Wyndham is a well-known classic science fiction writer. The style of his works is a logical, rigid narrative, without excessive details of the Jules Verne school. Debuting in 1931, John Wyndham wrote under many pseudonyms, and his disaster novels usually tell us not about the disasters themselves, but about the behavior of people. In one novel, everyone loses their sight and life is invaded by predatory carnivorous plants. In another novel, the planet Earth is unexpectedly visited by aliens. In General, Darwin’s famous slogan “it is not the strongest who survives, but the most adaptable one” is precisely the main philosophical question that the classic of the science fiction genre poses to readers. The short story *No place like Earth* (1951) was first published in a collection of other short stories, and then published posthumously in the 2003 collection of the same name. The narrative is not so interesting or complicated in its structure or plot, similar to other works of the author. Its only difference is the main character’s place of residence — the planet Mars. There he meets girls, there he evaluates and re-evaluates life situations, there he realizes the subsequent fate of the planet, its death, there he looks at his life again, as well as the fate of his others and relatives, who, however, fortunately, are not so many, that is, few people will regret his absence. In our view, this trend of making up science fiction texts could be seen as one more attempt of post-colonial literature to extend its boundaries, making it almost extra-terrestrial. This dimension allows to view events from the point of view of the narrator, thus re-establishing post-modern writing and giving it more volume.

The fifth aspect found as one of the possible results of our research is seen in the general attempt to change the post-modern paradigm and introduce not only the post-millennial term (used previously), but also talk about meta-modernism in literature.

Boris Groys presents the process of continuous innovation in art as acts of transferring objects from every day (profane) space to Museum space [4]. Here, as some of the researchers point out, there is a sense of world culture as a global supermarket; interaction with images of reality, not with reality itself; post-traumatic reflection of the expanding information universe; the initial emotional atrophy; the inability to be taken seriously any meta-narration. All of these facts allow to assume that a new trend (sometimes called meta-modernism) is developing that comes in place of former post-modern patterns. Hrusheva [5] outlines main tendencies in the development of meta-modernism and mentions, among other factors, its tendency to construct “neo-romantic” narrative, as well as “flower — like pattern” instead of the rhizome metaphor developed by Gilles

Deleuze. The tendency to have “simple” narratives, poetry instead of prosaic texts (or pay special attention to the form rather than the meaning only) is indeed what most post-colonial texts adhere to. The iconic view of the language (as opposed to the traditional symbolic one), manifesting that the sign has a direct connection to the represented world and is similar to the icon, is seen as a new tendency of development. In our words, the picture of the icon becomes even more powerful today, as the digital technology is developing.

Trans-generational trauma (among other types of traumas) and the narratives exploring it, seems to be a fruitful area of research that allows authors to track the past experience concerning not only their own life and time span, but also the life span of their ancestors. Areas under research will include topics and issues related to migration, immigration, wars and other disasters.

Conclusion

To sum up, post-colonial literature is very diverse, with its main tendency of constructing post-millennial narrative which is characterized by different tools that establish “reality” in its new form. Meta-modernism is another term that is used to cover the new tendency for “new simplicity” “neo-romanticism”, “directness” of the new post-colonial prose, including post-traumatic experiences and development of narratives describing trans-generational traumas. “Invasion” narratives is one of the possible manifestations of post-colonial writing, which allows to change identities of characters making them more hybrid like and diverse.

References

1. Wilson, L.G. 2019. Post-millennial Literature. In: Boxall, P. (ed.) *The Cambridge Companion to British Fiction 1980-2018*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 47—66. Print.
2. Schlink, B. 1997. *The Reader*. New York: Pantheon. Print.
3. Ondaatje, M. 2006. *English Patient*. Toronto: McClelland & Stewart, 2006. Print.
4. Grojs, B. 2015. *O novom. Opyt jekonomiki kul'tury*. Translated from German by T. Zborovskaya. Moscow: Ad Marginem Pressju Print. (In Russ.)
5. Hrushheva, N. 2020. *Metamodernizm v muzyke i vokrug nee*. Moscow: Ripol-klassik. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Щербак Нина Феликсовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alpha-12@yandex.ru.

SPIN код — 7253-0707

Scopus ID 57200526072

Bio Note:

Nina F. Shcherbak is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cultural Linguistics, St. Petersburg State University. E-mail: alpha-12@yandex.ru.

SPIN code — 7253-0707

Scopus ID 57200526072

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-301-309

Научная статья

Московские годонимы: способы представления лингвокультурной информации в топонимической базе данных обучающего типа

Юе Цюй

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1 стр. 1

Аннотация. На примере трех семантических полей, выделяемых в корпусе исторических московских годонимов («Образ быта», «Образ цвета» и «Образ профессии»), показано, как описание годонимов по группам признаков может способствовать формированию топонимических образов, приближающихся к русской топонимической картине мира. В результате исследования делается вывод о том, что реконструирование топонимического образа (имиджа) на основании выявления семантических полей топонимов, несущих в себе культурные и ценностные ориентиры, способствует формированию вторичной языковой личности с большим потенциалом для адаптации к чужому/другому геокультурному пространству.

Ключевые слова: годоним, топонимическая база данных обучающего типа, межкультурная коммуникация, РКИ, топонимический образ, лингвокультурная информация, семантическое поле

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.05.2021

Дата принятия к печати: 10.07.2021

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Юе Цюй. Московские годонимы: способы представления лингвокультурной информации в топонимической базе данных обучающего типа // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 301–309. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-301-309

© Юе Цюй, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Moscow Hodonyms: Representation of Linguo-Cultural Information in the Toponymy Training Database

Qu Yue

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Bolshoy Kislovsky Lane 1 bld. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. On the example of three semantic fields identified in the corpus of historical Moscow hodonyms (“Daily Life”, “Color” and “Occupation”), it is demonstrated how the description of hodonyms by groups of features can contribute to the formation of toponymic images that approach the Russian toponymic picture of the world. As a result of the study, it is concluded that the reconstruction of the toponymic image based on the identification of semantic fields of toponyms contributes to the formation of the secondary linguistic personality with a great potential for adaptation to the foreign geocultural space.

Key words: hodonym, toponymy training database, cross-cultural communication, Russian as a foreign language, toponymic image, linguo-cultural information, semantic field

Article history:

Received: 14.15.2021

Accepted: 10.07.2021

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Yue, Qu. 2021. “Moscow Hodonyms: Representation of Linguo-Cultural Information in the Toponymy Training Database”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 301—309. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-301-309

Введение

Годонимы представляют собой разновидность урбанонимов (названий внутригородских объектов) линейного типа: названия улиц, проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков и др. [1. С. 52]. Годонимикон (совокупность годонимов) всегда привлекал внимание ученых, а также историков и краеведов. Помимо адресной функции, состоящей в идентификации и локализации городского объекта, годонимикон выполняет квалификативную и кумулятивную функции, поскольку в названиях улиц находят отражение не только факты языка, но и исторические и культурные знания об объекте номинации. В настоящее время в рамках антропоцентрического подхода к языку годонимикон рассматривается в различных аспектах, а именно: как выражение региональной идентичности [2], как один из кодов культуры [3; 4], как этнокультурный феномен [5—7],

как особого вида «политикон» — совокупность свидетельств социальных и политических изменений в обществе [8. С. 236—237]. Появляются исследования, в которых лингвокультурный компонент топонимов выделяется в самостоятельный объект [9].

В настоящее время интерес к внутригородским названиям наблюдается и в неязыковых научных дисциплинах, прежде всего в гуманитарной и культурной географии, в которых используется понятие имиджа территории [10; 11]. Под имиджем территории, согласно Д.В. Визгалову, понимается «существующая в сознании совокупность устойчивых (но необязательно системных и верных) представлений о территории. Имидж территории складывается из трех составляющих — одной объективной (характеристики территории, отражающие объективную действительность) и двух субъективных (личный опыт, личное представление о территории, с одной стороны, и чужие мнения, стереотипы и слухи о территории — с другой)» [12. С. 49]. Городские названия все чаще включаются в понятие локального имиджирования, и в этом случае ученые говорят о топонимическом имидже [13]. Понятие топонимического имиджа, которое разработано учеными как инструмент изучения ментальных представлений носителей одной культуры, мы считаем возможным связать со сферой межкультурной коммуникации и использовать это понятие в преподавании РКИ, в частности, при разработке топонимической базы данных обучающего типа. Это позволит, на наш взгляд, на современном научном уровне сформировать в базе данных поле лингвокультурной информации, в определенной степени отражающее тот фрагмент топонимической картины мира носителей русского языка и культуры, с которым интересно и полезно ознакомить слушателей РКИ.

Результаты и обсуждение

Целью статьи является описание разработанного способа представления лингвокультурной информации в топонимической базе данных обучающего типа, которая ориентирована на формирование вторичной языковой личности, развитие топонимической культуры и лингвокультурной компетентности с целью адаптации к геокультурному пространству изучаемого языка [14. С. 104]. Мы стремимся к тому, чтобы носитель другой лингвокультуры усвоил топоним не просто как знак-ориентир, т.е. мог идентифицировать слово как имя места, но также усвоил всю полноту информации, стоящую за этим словом в пространстве русского языка и культуры и тем самым мог сформировать представления, сходные с топонимической картиной мира носителей изучаемого языка.

Семантическое пространство топонимии представляет собой сложную конфигурацию пересекающихся полей [15. С. 8], в которых отражается представление человека об окружающем мире. Особенно это касается сельской топонимии и микротопонимии. В старых внутригородских топонимах мотивы номинации может обнаружить только специальное историко-этимологическое исследование. В нашу задачу входило ознакомление с основными источниками по московской топонимике, а также с существующими распределением московских топонимов

по принципам номинации [16. С. 32—53] и структурно-семантическим признакам [17] и разработка классификации, служащей для реализации поставленной цели — представления лингвокультурной информации в обучающей среде. Поэтому решено было выделить и зафиксировать те доминантные образы, которые могут демонстрировать наиболее интересные и сильные характеристики места и его лингвокультурную уникальность в сознании носителя другого языка в целях создания приоритетных представлений о фрагменте топонимической картины мира носителя изучаемого языка. Таким образом, критерием выбора доминанты поля является мощностность лингвокультурной информации в годониме, которая «питает» топонимический образ. Мы согласны с определением лингвокультурологического аспекта годонимики, предложенным Л.В. Егоровой, который заключается «в анализе годонима в качестве культурно мотивированной единицы с учетом его функционирования в рамках лингвокультурного пространства конкретного региона, который сформирован на основе фоновых знаний и представлений о языке и культуре местного жителя и характеризуется культурно-историческим своеобразием» [18. С. 226—227].

На основании изучения семантического пространства, представленного московскими годонимами, мы выделили семантические поля, соотносимые с топонимическими образами, входящими в поле лингвокультурной информации топонимической базы данных. В данной статье рассматриваются три таких поля: «Образ быта», «Образ цвета», «Образ профессии» и приводятся соответствующие годонимы. Источниками материала послужили труды ведущих топонимистов России [19; 20].

«Образ быта»

Номинации этого семантического поля включают одежду, предметы обихода, кулинарные обычаи, кустарное ремесло, перемещение на местности и т.д. Топонимические мотивы, связанные с бытовой жизнью людей на первый взгляд не являются приоритетной опцией для формирования топонимического образа. Однако в межкультурной коммуникации топонимы с мотивами отражения бытовой жизни привлекают особое внимание носителя другого языка, поскольку именно данные мотивы непосредственно отражают практическую деятельность человека и репрезентируют те срезы повседневности, образы которых складываются затем в наивную картину мира. Значимость усвоения и передачи бытовой культуры в межкультурной коммуникации и в сфере обучения иностранным языкам заключается в том, что в материальных, физических объектах (орудия труда, предметы быта, кухня и т.д.), характерных для соответствующей культуры, не только репрезентируются национальные обычаи и традиции, нормы поведения человека, но и эксплицируются устойчивые культурные ценности и мировоззрение, которые формируют этнокультурную идентичность.

Ткань, одежда и головные уборы. *Ветошный переулоч* — от слова «ветошь» — «сорт ткани с редкой основой, употребляемой на легкую одежду и на подкладку для верхней одежды» [19. С. 58]. *Столешников переулоч* — по названию местности, где жили ткачи, изготовлявшие столешники — скатерти [19. С. 283]. *Колпачный*

переулок — по названию слободы мастеров, изготовлявших головные уборы — *колтаки* [19. С. 125].

Продукты питания и напитки. *Хлебный переулок* — в XVI—XVII веках там была царская Поварская (Кормовая) слобода, где проживали повара, пекари, обслуживающие царский двор [19. С. 274]. Хлеб — основной продукт питания русских и центральный элемент славянской культуры, символизирует труд и богатство. Улица *Солянка* — здесь находился *Соляной двор*, в котором хранилась соль, «поступавшая отсюда на продажу по строго установленной государством цене» [19. С. 310]. В народном сознании русских соль воспринималась как защита от враждебных сил. Обычай угощения гостей хлебом-солью в русской культуре выражает гостеприимство, радушие и щедрость хозяина. *Медовый переулок* — по расположению вблизи Медового двора, где готовились медовые напитки [19. С. 176]. *Большой, Средний, Малый, Нижний Кисловский переулки* — полагают, что там в слободах жили *кислошники*, которые готовили соленья и квашенья для царского двора [20. С. 40].

Предметы обихода и обращение с ними. Годонимы, входящие в эту рубрику, также могут быть представлены в рубрике «Образ профессии», поскольку в номинации трудно разделить предмет и его изготовление, ремесло, профессиональное занятие. Примерами являются следующие названия: Улица *Большая Лубянка* — полагают, что сюда были переселены из Новгорода ремесленники, «лубяных дел мастера», изготовлявшие «различную посуду для хранения продуктов, коробы, кошелы и др. (луб — кора липы, березы; лыко)» [19. С. 34]. *Гончарная улица* — на ней жили гончары, изготовлявшие керамическую посуду, глиняные игрушки и изразцы [19. С. 77]. *Басманный переулок* — полагают, что в этом месте селились мастера серебряного дела, которые изготовляли басмы — узорные украшения для окладов икон [19. С. 24].

«Образ цвета»

В московской топонимической палитре исследователями обнаруживаются четыре чистых цвета: красный, белый, черный и зеленый [20. С. 40—46]. К ним примыкают еще золотой и серебряный. Как отмечают топонимисты, наряду с исходной семантикой собственно цвета, цвет в топонимах часто имеет вторичное происхождение — от названий предметов и растений. Кроме того, топонимы с цветообозначением несут в себе символическое значение. По словам Е.В. Цветковой, «цветовые топонимы содержат в себе информацию не только о внешнем виде объекта (цвете), но и о каких-то других качествах, вызывающих ассоциации с определенным цветом» [21. С. 264]. Например, черный цвет в сознании русских часто ассоциируется с грехом и злом. В городских топонимах черный цвет, как правило, связан с грязью: ср. Черногрязская улица [20. С. 48]. Белый традиционно считается символом чистоты, светлых помыслов и добра. Среди совокупности «цветных» названий московской внутригородской топонимии наиболее наглядными для отражения национальной картины мира о цвете и для включения в обучающую топонимическую базу данных являются «красные годонимы».

Красный цвет в составе топонимической номинации вызывает у носителей русской лингвокультуры следующие ассоциации: с реальным красным цветом;

красотой; со статусом главного объекта; с революционными событиями (по результатам нашего устного блиц-опроса на улицах Москвы в 2019 г.). В действительности точное мотивировочное значение компонента *красный* в составе московских годонимов может быть установлено только в результате анализа истории названия. Но в целом, корпус «красных» годонимов демонстрирует именно такие слитные значения, которые отмечены выше: 1) красный — красивый — главный (*Красная площадь*); 2) старое значение красный — ‘красивый’ (*Красные ворота*, в настоящее время только как название станции метро); 3) красный — революционный (*Красно-* как дополнительный словообразовательный компонент, ср.: *Краснобогатырская улица, Краснопролетарская улица, Краснопресненская улица* и др.) [20. С. 40—46; 22].

«Образ профессии»

Номинации этого семантического поля связаны с профессиональными занятиями жителей, с различными ремеслами, а также с торговлей и военным делом. Старые московские годонимы демонстрируют многообразие таких занятий. *Сыромятническая набережная* — от *сыромятник* — «кожемяка, мастер, занимающийся изготовлением сыромятной кожи» [19. С. 287]. *Хамовническая набережная* — от *хамовники* — «ткачи-полотнянщики, изготавливавшие белое (хамовное) полотно» [19. С. 308—309]. *Большой Кисельный переулок* — жили *кисельники*, варившие кисель для поминания [20. С. 40]. Улица *Каретный Ряд* — там торговали своей продукцией мастера, изготавливавшие кареты, телеги и др. повозки [19. С. 117]. *Кадашёвская набережная* — полагают, что на этом месте располагалась слобода великокняжеских *кадашей* — «бондарей, изготавливавших бондарные изделия, в том числе бочки — кади» [19. С. 111]. *Сторожевая улица* — по проживанию сторожей дровяных складов [19. С. 283]. *Мытная улица* — там собирали *мыт* (пошлину) за пригнанный в Москву для продажи скот [19. С. 187]. К профессиональным занятиям можно отнести также охоту, образ которой сохранился в годонимах. *Лосиноостровская улица* — *Лосиный Остров*, лесной массив, богатый дичью, место царской охоты [19. С. 158]. Улица *Сокольническая слободка* — *сокольники* занимались содержанием и обучением соколов и других ловчих птиц для царской охоты [19. С. 272]. Оружейное дело также получило отражение в номинациях. *Ружейный переулок* — на этом месте жили «мастера Оружейной палаты, изготавливавшие деревянные станки — подставки для ружей» [19. С. 253]. *Большая Бронная улица* — в слободе изготавливали броню — панцири и кольчуги [19. С. 33]. *Копьевский переулок* — предполагают, что там проживали мастера, изготавливавшие копья [19. С. 130]. *Лучников переулок* — по одной из версий, здесь жили мастера, изготавливавшие боевые луки [19. С. 161].

Заключение

Перечисленными топонимическими образами не исчерпывается многообразие московского годонимикона. Для данного исследования важно было определить общие принципы работы с материалом, которыми следует руководствоваться при построении топонимической базы данных обучающего типа. Годонимикон

определенного региона представляет собой своеобразный культурный код, интегрирующий лингвокогнитивную и геокультурную информацию и выполняющий прагматическую функцию репрезентации топонимической картины мира горожан. Предложенный способ работы с материалом состоит в реконструировании топонимического образа (имиджа) на основании выявления семантических полей топонимов, которые отражают ориентиры и ценности, рожденные локальной культурой. Это имеет особое значение для раскрытия свернутого национально-культурного текста, каким является топонимическое пространство. Формирование семантических полей топонимов, в основе которых лежат топонимические образы, отличается от традиционных классификаций принципов номинации в топонимике, поскольку ориентируется на неродной язык и культуру. Поэтому выбираются языковые, культурные и географические параметры, приоритетные для репрезентации топонимической картины мира в сознании носителя другого языка и другой культуры, и именно они включаются в поле лингвокультурной информации в топонимической базе данных для наглядного представления огромного комплекса накопленной информации о топонимах [4. С. 37]. В итоге на фоне развития стратегии и технологии обработки больших данных топонимическая база данных с лингвокультурной информацией может служить новым каналом для передачи топонимической и локальной культуры в межкультурной коммуникации и тем самым играть большую роль в сфере обучения РКИ, служа формированию у иностранных учащихся вторичной языковой личности, в полной мере обладающей геокультурной и лингвокультурной компетентностью.

Список литературы

1. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии: изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
2. *Разумов Р.В., Горяев С.О.* Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 201—219. doi: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
3. *Сизова Е.А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.
4. *Королёва И.А.* Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. № 8. С. 31—38.
5. *Горбаневский М.В.* Национальные образы в топонимии Москвы // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО АН СССР, 1991. С. 25—39.
6. *Казакова С.Л.* Этнолингвистический подход к изучению урбанонимов // Университетские чтения. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. С. 167—172.
7. *Ковалёв Г.Ф.* «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную» // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13—16 сентября 2016 г.). Саров: Интерконтакт, 2016. С. 338—342.
8. *David J.* Czech Street Names: The Tendencies of Development in Modern Times // Die Stadt und ihre Namen. 1. Teilband / Dietlind Kremer, Dieter Kremer (Hg.). Leipzig: Leipziger Universitäts Verlag GmbH, 2012. Pp. 207—238.
9. *Давлеткулова Л.Н.* Лингвокультурологический компонент топонимов (на примере урбанонимов Оксфорда) // Вестник Челябинского гос. университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). С. 82—85.

10. *Важенина И.С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2006. № 6. С. 82—99.
11. *Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. СПб.: Алетейя, 2020.
12. *Визгалов Д.В.* Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
13. *Голомидова М.В.* Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // *Вопросы ономастики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 263—278. doi: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043
14. *Цюй Юе* Представление топонимического материала в виртуальной обучающей среде // *Русский язык в современном онлайн-образовании: сб. материалов международной научной онлайн-конференции / под ред. В.И. Супруна*. Волгоград: Фортекс, 2020. С. 102—109.
15. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек: Изд. 2, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
16. *Соколова Т.П.* Методические рекомендации по наименованию улиц в Москве. М.: Комитет общественных связей города Москвы, 2015.
17. *Забелин Н.Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2007. 23 с.
18. *Егорова Л.В.* К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // *Вестник Чувашского университета*, 2018. № 2. С. 224—233.
19. *Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник*. М.: Наука, техника, образование, 2003.
20. *Сморгунова Е.М.* Москва москвичей. М.: ОГИ, 2006.
21. *Цветкова Е.В.* Белый цвет в костромской топонимии // *Вестник Костромского гос. университета*. 2012. № 1. С. 264—267.
22. *Vasil'eva N.* Namen auf russischen Stadtplanen unter linguo- und soziokulturellem Aspekt: «Rote Namen» auf dem Stadtplan von Moskau // *Die Stadt und ihre Namen*. 2. Teilband / Dietlind Kremer, Dieter Kremer (Hg.). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2013. Pp. 225—248.

References

1. Podol'skaya, N.V. 1988. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. Izd. 2, pererab. i dop. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
2. Razumov, R.V., and S.O. Goryaev. 2020. "Manifestations of regional identity in contemporary Russian urbanonymy". *Problems of onomastics* 17 (2): 201—219. doi: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024 Print. (in Russ.)
3. Sizova, E.A. 2004. "Lingvokul'turologicheskij analiz urbanonimov (na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo yazykov)". Dissertation ... of a candidate of philological sciences. Pyatigorsk. Print. (In Russ.)
4. Korolyova, I.A. 2015. "Toponimy kak svernutyj lingvokul'turnyj kod". *IKBFU's Vestnik* 8: 31—38. Print. (In Russ.)
5. Gorbanevskij, M.V. 1991. Nacional'nye obrazy v toponimii Moskvy. Moscow: MFGO AN SSSR. Print. (In Russ.)
6. Kazakova, S.L. 2008. E'tnolingvisticheskij podxod k izucheniyu urbanonimov. *Universitetskie chteniya*. Pyatigorsk: PGLU. Pp. 167—172. Print. (In Russ.)
7. Kovalyov, G.F. 2016. "I will pass down Abrikosovaya, and turn to Vinogradnaya". In *Onomastika Povolzh'ya: Proceedings*. Arzamas, Sep. 13—16. Sarov: Interkontakt. Pp. 338—342. Print. (In Russ.)
8. David, J. 2012. Czech Street Names: The Tendencies of Development in Modern Times. *Die Stadt und ihre Namen*. 1. Teilband / Dietlind Kremer, Dieter Kremer (Hg.). Leipzig: Leipziger Universitäts Verlag GmbH. Pp. 207—238. Print.

9. Davletkulova, L.N. 2013. “Lingvokul'turologicheskij komponent toponimov (na primere urbanimov Oksforda)”. *Bulletin of Chelyabinsk State University* 31 (322): 82–85. Print. (In Russ.)
10. Vazhenina, I.S. 2006. “Imidzh i reputaciya territorii kak osnova prodvizheniya v konkurentnoj srede”. *Journal of Marketing in Russia and Abroad* 6: 82–99. Print. (In Russ.)
11. Zamyatin, D.N. 2020. *Geokul'turnyj brending gorodov i territorij: ot teorii k praktike*. St. Petersburg: Aletejya. Print. (in Russ.)
12. Vizgalov, D.V. 2008. *Marketing goroda*. Moscow: Fond «Institut e'konomiki goroda». Print. (in Russ.)
13. Golomidova, M.V. 2020. “Toponymic image-building for urban locations”. *Problems of onomastics* 17 (3): 263–278. Print. (in Russ.)
14. Cyuj, Yue. 2020. “Predstavlenie toponimicheskogo materiala v virtual'noj obuchayushhej srede”. In *Russkij yazyk v sovremennom onlajn-obrazovanii: Proceedings*. Ed. by V.I. Suprun. Volgograd: Izdatel'stvo OOO RA «Fortess». Pp. 102–109. Print. (In Russ.)
15. Berezovich, E.L. 2009. *Russkaya toponimiya v e'tnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek*. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». Print. (In Russ.)
16. Sokolova, T.P. 2015. *Metodicheskie rekomendacii po naimenovaniyu ulic v Moskve*. Moscow: Komitet obshhestvennyx svyazej goroda Moskvy. Print. (In Russ.)
17. Zabelin, N.Yu. 2007. *Moskovskaya gorodskaya toponimiya: strukturno-semanticheskij analiz toponimicheskoy sistemy*. Dissertation ... of a candidate of philological sciences. Yakutsk. Print. (In Russ.)
18. Egorova, L.V. 2018. “The question of studying godonyms in the modern paradigm of linguistic studies”. *Chuvash University Bulletin* 2: 224–233. Print. (In Russ.)
19. *Ulicy Moskvy. Starye i novye nazvaniya. Toponimicheskij slovar'-spravochnik*. 2003. Moscow: Izdatel'skij centr «Nauka, texnika, obrazovanie». Print. (In Russ.)
20. Smorgunova, E.M. 2006. *Moskva moskvichej*. Moscow: OGI. Print. (In Russ.)
21. Cvetkova, E.V. 2012. “Belyj cvet v kostromskoj toponimii”. *Vestnik of Kostroma state university* 1: 264–267. Print. (In Russ.)
22. Vasil'eva, N. 2013. *Namen auf russischen Stadtplanen unter linguo- und soziokulturellem Aspekt: «Rote Namen» auf dem Stadtplan von Moskau. Die Stadt und ihre Namen. 2. Teilband / Dietlind Kremer, Dieter Kremer (Hg.)*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. Pp. 225–248. Print. (In Ger.).

Сведения об авторе:

Юе Цюй — аспирант отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН. E-mail: yuequ0726@yandex.com

Bio Notes:

Yue Qu is a Postgraduate Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: yuequ0726@yandex.com

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-310-315

Тезисы

Преподавание русского языка как иностранного в высших учебных заведениях Республики Беларусь в условиях близкородственного билингвизма

С.А. Гринберг

Учреждение образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины»
Республика Беларусь, 210026, г. Витебск, ул. 1-я Доватора, 7/11

Аннотация. Языковая ситуация в Беларуси находится в зоне пристального внимания современных лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. Белорусско-русское языковое взаимодействие представляет собой особый вид билингвизма, имеющий специфические черты в силу общности судеб белорусского и русского народов, генетического родства, близости языковых систем. В Беларуси процессы порождения и восприятия русскоязычного текста протекают в условиях несбалансированного двуязычия. В результате одна языковая система вступает в контакт с другой, порождая *интерференцию*. Серьезной проблемой в Беларуси является и стихийно русифицированный вариант белорусского языка — *трасянка*. Автор поставил перед собой цель — определить основные проблемы языковой адаптации иностранных учащихся в условиях белорусско-русского билингвизма. Обучаясь в Беларуси на русском языке, иностранные студенты сталкиваются с текстами на белорусском языке, с разговорной речью и, естественно, используют отдельные слова, термины, названия на белорусском языке. При этом иностранные студенты не испытывают особых коммуникативных трудностей от незнания белорусского языка. Однако перед преподавателем русского языка как иностранного стоит другая, особая задача — обеспечить на занятиях гармоничное сочетание между культурой изучаемого языка (русского), культурой страны пребывания (Беларусь) и национальной культурой обучающегося.

Ключевые слова: белорусско-русский билингвизм, близкородственное языковое взаимодействие, интерференция, языковая адаптация, культурно-этническое двуязычие, межкультурная коммуникация

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.04.2021

Дата принятия к печати: 25.06.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

© Гринберг С.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Гринберг С.А. Преподавание русского языка как иностранного в высших учебных заведениях Республики Беларусь в условиях близкородственного билингвизма // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 310–315. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-310-315

Abstracts

Russian as a Foreign Language Teaching in a Higher Educational Establishment of the Republic of Belarus in Conditions of Closely Related Bilingualism

S.A. Grinberg

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine
7/11 Dovatora St., Vitebsk, 210026, Republic of Belarus

Abstract. The study relevance is caused by the special language situation in Belarus which is in close attention of modern linguists for several decades. Russian-Belarusian languages interaction is a special type of bilingualism which has specific features due to the common fate of the Belarusian and Russian people, genetic relationship, and language systems kinship. In Belarus the processes of generation and perception of the text in Russian language take place against a special psychological background of the Belarusian language system which creates the effect of the so-called unbalanced bilingualism. As a result one language system comes into contact with another causing interference. A serious problem in Belarus is the spontaneously russified version of the Belarusian language — Trasyanka. The goal of author is to identify the main problems of foreign students' language adaptation in conditions of Belarusian-Russian bilingualism. Studying Russian in Belarus foreign students have to deal with texts in the Belarusian language, with colloquial speech and, of course, use words, terms, names in the Belarusian language. The author comes to the conclusion that foreign students do not experience any special communication difficulties from the Belarusian language unfamiliarity. The teacher of Russian as a foreign language, however, has a different, special task — to ensure a harmony among the culture of the language being studied (Russian), the culture of the host country (Belarus) and the national culture of the student.

Key words: Belarusian-Russian bilingualism, closely related language interaction, interference, language adaptation, cultural and ethnic bilingualism, intercultural communication

Article history:

Received: 25.04.2021

Accepted: 25.06.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Grinberg, S.A. 2021. “Russian as a Foreign Language Teaching in a Higher Educational Establishment of the Republic of Belarus in Conditions of Closely Related Bilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 310—315. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-310-315

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки стало окончательно ясно, что язык — это особая система, изучать которую нужно не только «в самом себе и для себя», но и как часть среды, в которой живет и действует человек. Республика Беларусь является многонациональным государством. На протяжении многих столетий здесь наблюдается пересечение нескольких культур, наличие носителей разных языков и представителей различных религий. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, белорусская ментальность — «это самобытный и уникальный синтез язычества и христианства, православия и католичества, западноевропейского и восточного, славянского и советского» [1. С. 41].

Языковая ситуация в Беларуси находится в зоне пристального внимания современных исследователей на протяжении нескольких десятилетий. В конце XX — начале XXI века изучением данной проблемы занимались А.А. Гируцкий, А.А. Важник, С.Н. Запрудский, В.И. Ивченков, И.В. Калита, М.И. Конюшкевич, Ю.Б. Коряков, А.А. Лукашанец, А.Е. Михневич, Н.Б. Мечковская, А.И. Наркевич, Т.Р. Рамза, И.С. Ровдо, М.Е. Тикоцкий и др.

Согласно ст. 17 Конституции Республики Беларусь, государственными языками в республике являются белорусский и русский. Белорусско-русское языковое взаимодействие представляет собой особый вид билингвизма, имеющий специфические черты в силу общности судеб белорусского и русского народов, генетического родства, близости языковых систем: одна языковая система вступает в контакт с другой, порождая *интерференцию*. В условиях белорусско-русского двуязычия, безусловно, интерференция — важная проблема культуры речи. В результате общности происхождения русского и белорусского языков, постоянного их контактирования на всех уровнях языковых систем развиваются сходные черты, что, в свою очередь, порождает специфические проблемы культурно-речевого характера. Интерференция в речи белорусов проявляется практически на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, словообразовательном. Наиболее заметна интерференция в фонетике и лексике. Так, отсутствие качественной редукции гласных, характерное «яканье» вместо литературного «иканья», *г* фрикативное, особое интонирование фразы образуют белорусский акцент у билингвов, говорящих на русском языке. Даже в морфологии, которая более устойчива в языке, встречается интерференция: неправильный для русского языка род существительных (*собака спал*), число (*двери* по аналогии с белорусским языком употребляются только во множественном числе и др.).

Для белорусско-русского билингвизма характерны отступления от синтаксических норм литературного языка, также связанные с интерференцией, в частности, нарушение норм глагольного и именного управления, так как многие рус-

ские словосочетания с управлением не совпадают с эквивалентными им белорусскими: *прислониться к чему — прыперціся да чаго — прислониться до чего, присмотреться к чему — прыгледзецца да чаго — присмотреться до чего, подготовиться к чему — падрыхтавацца да чаго — подготовиться до чего* и т.д. [2. С. 70–73].

Еще одна особенность русского языка в Беларуси — возникновение *трасянки* — различных промежуточных форм между белорусской и украинской, польской, русской речью — в основном ближе к русскому, но хранящих некоторые фонетические, грамматические и лексические свойства белорусского языка. В переводе с белорусского «трасянка» буквально означает «низкокачественное сено», когда крестьяне наспех смешивают, перетрясывают (бел. «трасуць») свежескошенную траву с сеном. По данным исследовательского проекта «Трасянка в Беларуси — смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта», в настоящее время именно смешанная речь имеет более широкое распространение в республике, чем многие предполагают [3. С. 62–78].

Обсуждение

Республика Беларусь осуществляет последовательную политику, направленную на привлечение иностранцев в отечественные учреждения высшего образования. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2019/2020 учебном году в вузах Республики Беларусь обучалось 18,4 тыс. иностранных студентов, из них более 9 тыс. — из Туркменистана, 1439 — из России, 1435 — из Китая (<https://www.belstat.gov.by/>). Высшее образование в республике также получают студенты из Индии, Шри-Ланки, Ливана, Таджикистана, Узбекистана, Украины и др.

Обучение иностранных студентов на русском языке в Беларуси тесно связано с внеязыковой действительностью, обществом, цивилизацией, культурой. Иностранные граждане, обучающиеся в Беларуси, получают высшее образование на неродном языке в условиях неродной социокультурной среды. Попадая в Беларусь, иностранные студенты оказываются в уникальной ситуации культурно-этнического двуязычия, когда язык титульной нации (белорусский) функционально слабее языка соседнего государства (русского). Причина такой ситуации как в историческом прошлом, так и в экономической, политической, социально-культурной сферах.

На занятиях РКИ преподаватели сталкиваются не только с проблемами грамматики, исправления ошибок учащихся, но и с многочисленными вопросами, касающимися правильности того или иного услышанного оборота речи, непонятного, но часто встречающегося слова, точности ударения. К основным факторам, влияющим на возникновение подобных проблем, можно отнести такие, как язык СМИ, сленговая речь молодежи, язык политико-административного аппарата, язык интеллигенции, а порой и не совсем соответствующая грамматическим нормам речь преподавателей-предметников.

В последнее время особую актуальность приобретает изучение межкультурной адаптации как сложного процесса, благодаря которому достигается совместимость человека с новой культурной средой. На процесс адаптации иностранных сту-

дентов оказывают влияние различные факторы — степень удаленности двух культур (родной и новой), климат, географическое положение чужой страны, состав студенческой группы (многонациональная или мононациональная) и т.д.

Пройдя начальный этап языковой адаптации в Беларуси, иностранные студенты включаются в реальную языковую ситуацию. При этом особых коммуникативных трудностей от незнания белорусского языка в условиях близкородственного билингвизма они не испытывают. Однако им приходится сталкиваться с текстами на белорусском языке, с разговорной речью и, естественно, использовать отдельные слова, термины, названия на белорусском языке. Примером могут служить: общеупотребительная лексика (*бульба* (картошка), *хата* (дом), *хлопец* (парень), *бацька* (отец), *грошы* (деньги), *трохі* (немного), *няхай* (пусть) и др.); формулы речевого этикета (*дзякуй* (спасибо), *калі ласка* (пожалуйста), *прабач* (извини), *не* (нет) и др.); названия документов (*заликовая кніжка* (зачетная книжка), *дыплом* (диплом), *пасведчанне* (свидетельство), *падзяка* (благодарность), *аб'ява* (объявление) и т.п.).

Названия некоторых торговых, учебных и других учреждений также пишутся по-белорусски («Беларуская дзяржаўная акадэмія ветэрынарнай медыцыны», «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», кафе «Батькова хата», кафе «Бульбяная», кафе «Ля Ратушы», бистро «Хутка. Смачна», аптека «Добрыя лекі», Чыгуначны вакзал, «Белпошта», «Белсаюздрук» и др.).

Пользуясь общественным транспортом, иностранные студенты могут услышать: «Увага!», «Асцярожна, дзверы зачыняюцца!», «Наступны прыпынак...»

Здесь следует отнести и топонимы: названия улиц (плошча Перамогі, плошча Незалежнасці, вуліца Авіяцыйная, вуліца Змітрака Бядулі, вуліца Янкі Купалы и т.п.), населенных пунктов (Вярхоўе, Дрысвяты, Старынавічы, Докшыцы, Віраўля, Дабрамыслі, Пагост, Машканы и др.).

Отдельно следует остановиться на безэквивалентной лексике, которая является показателем уникальности, национального своеобразия языкового сознания народа. Безэквивалентная лексика — интересное, однако недостаточно исследованное языковое явление. В ней заложены важные коммуникативные и изобразительные возможности языковой культуры. Именно на лексическом уровне наиболее ярко проявляются черты национальной специфики, национальное «лицо» любого языка. Это и белорусские обряды (Дажынкi, Талака, Грамніцы), и традиционные праздники (Купалле, Дзяды, Радаўніца), и названия белорусских блюд (дранікі, крамбамбуля, збіцень, шкваркі, мачанка, кулага).

Русский язык в Беларуси также имеет свою систему прецедентных названий (ключевых имен культуры): Францыск Скарына, Максім Багдановіч, Янка Купала, Якуб Колас, Ефрасіння Полацкая. За пределами республики они неизвестны, тогда как жителю Беларуси хорошо знакомы.

Заклучение

Очевидно, что учебные материалы для занятий РКИ в высших учебных заведениях Беларуси не должны ограничиваться сугубо узкими языковыми целями. Хорошо, когда объем учебного материала позволяет ввести, к примеру, в про-

грамму РКИ курс страноведения, однако в условиях неязыкового вуза такое едва ли возможно. В этой связи социокультурную информацию можно и нужно, как нам представляется, вводить в специально подобранные, адаптированные, интересные современному студенту тексты. Целью введения такого материала является приобщение иностранных учащихся к белорусской культуре, формирование социокультурной компетенции, национально-лингвокультурного полилога в межкультурной коммуникации. Диалог культур предполагает взаимное постижение образов сознания носителей другой культуры. В этом плане у каждого этноса свои стереотипы. В сознании носителей одного языка возникает определенная языковая картина, сквозь призму которой человек видит окружающий мир. Эта картина отражает коллективную философию.

Как справедливо утверждает С.Г. Тер-Минасова, «каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [4. С. 25].

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. Витебск, УО «ВГУ им. П. М. Машерова, 2004.
2. *Вешторт Г.Ф.* Смешанные формы речи // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Минск, 1999.
3. *Хентшель Г.* Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62—78.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

References

1. Maslova, V.A. 2004. Homo lingualis v kul'ture. Vitebsk: UO «VGU im. P.M. Masherova. Print. (In Russ.)
2. Veshtort, G.F. 1999. "Smeshannye formy rechi". In Tipologija dvujazychija i mnogojazychija v Belarusi. Minsk. Print. (In Russ.)
3. Hentshel', G. 2011. "Jazykovaja situacija v Belarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti jazykov v strane". Sociologija 4: 62—78. Print. (In Russ.)
4. Ter-Minasova, S.G. 2000. Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija. Moscow: Slovo. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Гринберг Светлана Александровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Учреждения образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины». E-mail: s_grinberg@mail.ru.

Bio Notes:

Svetlana A. Grinberg is a PhD in Philological Sciences, head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor of the Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine. E-mail: s_grinberg@mail.ru.

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-316-321

Сообщения

Межрегиональный научный семинар «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири»

Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова
Российская Федерация, 655017, Абакан, ул. Ленина, 92

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.06.2021

Дата принятия к печати: 10.07.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Межрегиональный научный семинар «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 316–321. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-316-321

Reports

Interregional Scientific Seminar “Preservation and Development of Siberian Indigenous Languages and Cultures”

T.G. Borgoiakova, A.V. Guseinova

Katanov Khakass State University
92 Lenina St., Abakan, 655017, Russian Federation

© Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 14.06.2021

Accepted: 10.07.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Borgoiakova, T.G., and A.V. Guseinova. 2021. “Interregional Scientific Seminar “Preservation and Development of Siberian Indigenous Languages and Cultures””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 316–321. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-316-321

20–21 мая 2021 г. в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова состоялся Межрегиональный научный семинар «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», в котором приняли участие более 100 ученых, преподавателей, представителей органов власти и общественных объединений из восьми регионов России. Организатором семинара является Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, а соорганизаторами — Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, Министерство образования и науки РХ и Министерство культуры РХ. Семинар прошел в рамках постоянного научного форума «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», который действует на базе ХГУ им. Н.Ф. Катанова более 15 лет. Мероприятия форума проходят на международном, всероссийском и межрегиональном уровнях с участием известных ученых из ведущих российских и зарубежных научных центров, работающих по указанной проблематике.

Основной целью семинара было выявление приоритетных направлений и результатов реализации языковой политики в области изучения, сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири. Отдельное внимание уделялось обсуждению результатов научных исследований в области языкового образования, филологии, культурологии, фольклора в контексте поликультурного пространства Российской Федерации, а также обмену опытом инновационной деятельности в системе этнокультурного и билингвального образования. На повестке дня был также вопрос развития взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, ученых, работников образования и культуры, общественных объединений по вопросам преподавания и изучения, сохранения и развития языков коренных народов Сибири, укрепления единства российской нации, гармонизации межнациональных отношений.

Приветственная часть конференции началась с выступления ректора ХГУ имени Н.Ф. Катанова профессора **Т.Г. Красновой**, которая отметила, что исследование языка, истории, культуры коренных народов Южной Сибири является одним из приоритетных научных направлений университета. Председатель Совета старейшин хакасского народа, член Президиума Верховного Совета Республики Хакасия **П.И. Воронин** акцентировал внимание на актуальности данного научного мероприятия для решения проблем сохранения родных языков и культур на-

родов Сибири, для воспитания у подрастающего поколения любви к родной земле и родным языкам.

Пленарная часть конференции открылась докладами представителей Правительства РХ. Доклад министра национальной и территориальной политики **М.А. Побызаква** и его заместителя **Л.А. Сафьянова** «Языковая политика в деятельности Министерства национальной и территориальной политики РХ» был посвящен существующим подходам и мерам по государственной поддержке языкового разнообразия региона. В докладе, подготовленном министром образования и науки РХ **Л.Н. Гимазутиной** и начальником отдела науки и национального образования Министерства, кандидатом педагогических наук **О.В. Доможаковой** «Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики в сфере образования Республики Хакасия», был представлен обзор результатов работы в области преподавания и изучения хакасского языка в дошкольных и общеобразовательных учреждениях на различных уровнях школьного обучения и его учебно-методического обеспечения.

Следующие два доклада были посвящены общим для всего сибирского региона проблемам ослабления позиций языков коренных малочисленных народов Сибири. Ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, доктор филологических наук **Б.Д. Цыренов** (г. Улан-Удэ) в своем докладе «Перспективы сохранения и развития языка сойотов Бурятии: вопросы нормативно-правового регулирования, образования» обозначил проблемы витальности родного языка сойотов, проживающих на территории Республики Бурятия, уделив особое внимание вопросам его нормирования и преподавания. Доцент кафедры перевода и переводоведения Томского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук **В.М. Лемская** (г. Томск) в совместном с **Л.А. Селяниновой** докладе «Ревитализация исчезающего языка в контексте языковой политики Российской Федерации: об итогах реализации проекта “Музей — центр возрождения чулымской культуры”» рассказала о результатах исследования и мерах по ревитализации чулымского языка в Томской области.

Большой интерес участников семинара вызвал совместный доклад доктора филологических наук, профессора **У.М. Бахтикиреевой** и доктора Ph.D., доцента **О.А. Валиковой** (РУДН, г. Москва) «Проект “Национальные образы в языках и литературах коренных народов РФ”». Авторам удалось расширить горизонты понимания билингвальных кодов культуры в национальных образах мира коренных народов России в контексте актуализированных общечеловеческих устремлений. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН (ИФ СО РАН) **Н.Р. Ойноткинова** (г. Новосибирск) в докладе «Зооморфный код культуры в мифопоэтике алтайского фольклора», представила новые данные об этнокультурной специфике зоонимов и зооморфизмов в алтайских мифах с привлечением убедительного иллюстративного материала. Завершилась пленарная часть конференции докладом доктора филологических наук, профессора, директора Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова **Т.Г. Боргояковой** «Языковая политика и развитие билингвизма в респу-

бликах Южной Сибири», в котором были представлены результаты языковой политики соседних республик с привлечением данных социолингвистического исследования, проведенного там в 2020 году.

В рамках научного семинара работали три секции и два круглых стола.

В первой секции «Языки коренных народов в социолингвистическом и психолингвистическом измерении» особый интерес вызвал доклад ведущего научного сотрудника Института археологии РАН, доктора исторических наук **И.Л. Кызласова** (г. Москва) «Особенности пратюркского языка, пришедшего на Енисей 22 века назад», посвященный методологии работы с орхоно-енисейскими надписями. В докладе кандидата филологических наук, заведующего сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) **А.С. Кызласова** были рассмотрены актуальные вопросы функционирования современного хакасского языка в диалектной среде. Вопросам языковой политики в отношении языков коренных народов США и Китая были посвящены доклады молодых исследователей **В.В. Идимешева** и **Е.О. Марткачевой**.

Проблемы исследования языковой картины мира в семантической структуре языков коренных народов Сибири были представлены в секции № 2 учеными из Абакана, Новосибирска и Кемерово. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИФ СО РАН **А.А. Озонова** в докладе «Конструкции с семантикой передачи информации в алтайском языке (в сопоставлении с хакасским)» рассказала об общих и отличительных закономерностях данных языков в области грамматики. Доклады кандидатов филологических наук, старших научных сотрудников ИФ СО РАН **А.Р. Тазрановой** и **Н.Н. Фединой** были посвящены репрезентации обрядовой лексики в теленгитском и челканском языках в аспекте функционирования в национальной картине мира. Докладчики обратили особое внимание на определенные историко-лингвистические связи обрядовой лексики с культурой и традициями теленгитов и челканцев. Доклады кандидатов филологических наук, доцентов кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета были посвящены малым жанрам устного народного творчества одного из коренных малочисленных народов Сибири — телеутов: **Э.С. Денисова** выступила с докладом «Приметы как малый жанр устного народного творчества телеутов», а **А.В. Проскурина** — с докладом «Роль загадок в телеутской лингвокультуре». Также докладчики представили сборник пословиц, поговорок, загадок, примет, фразеологизмов «Малые фольклорные жанры в телеутском языке» (Кемерово, 2019).

Проблематика третьей секции «Современные парадигмы грамматического и фонетического исследования языков народов Сибири» была связана с различными аспектами исследования структуры тюркских, тунгусо-манчжурских, самодийских и юкагирских языков. Живой интерес аудитории вызвал совместный доклад доктора филологических наук **И.Я. Селютиной** и кандидата филологических наук **А.А. Добрининой** (Институт филологии СО РАН, Новосибирск) «Артикуляторные и акустические особенности алтайского гласного в сопоставлении с тюркскими языками Сибири» в связи с большой практической значимостью результатов. Фонетическую тему продолжила заведующий кафедрой иностранных

языков Амурского государственного университета, научный сотрудник лаборатории экспериментально-фонетических исследований кандидат филологических наук, доцент **О.Н. Морозова** (г. Благовещенск), которая представила доклад «Относительная частотность гласных в эвенкийском языке». Проблемам синтаксиса был посвящен доклад кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИФ СО РАН **Л.В. Озолини** (г. Новосибирск) «Особенности выражения модус-диктумных отношений в тунгусо-манчжурских языках (на материале нанайского и орокского языков)».

Доклады участников первого круглого стола «Современные подходы и актуальные практики преподавания родных языков» были посвящены вопросам сохранения и развития родных языков и культур в системе билингвального образования Республики Хакасия и затрагивали проблемы, связанные с использованием хакасского фольклора, подвижных игр, электронных средств обучения, музейно-образовательных программ на уроках хакасского языка. Ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, доктор филологических наук, доцент **А.Н. Чугункова** представила свое новое учебное пособие «“Природное” время в хакасском языке», в котором приводится система выражения категории времени в темпоральных лексических единицах разного уровня. Участники круглого стола отметили высокую актуальность учебного пособия для образовательного процесса в школе и вузе.

Второй день семинара прошел в формате выездного заседания в заповеднике Хакасский в Усть-Абаканском районе РХ, где состоялся круглый стол «Хакасский эпос и фольклор народов Сибири в современном поликультурном пространстве». 2021 год объявлен в республике Годом хакасского эпоса, и круглый стол был приурочен к этому событию. Основная часть докладов была посвящена исследованию концептуальных и лингвокультурных этнопоэтических констант хакасского героического эпоса, однако прозвучал и доклад, посвященный искусству и фольклору тофаларов — его представил кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН **И.В. Рассадин** (г. Улан-Удэ). Круглый стол завершился оживленной дискуссией об актуальных проблемах фольклористики и сказительского искусства.

Межрегиональный семинар позволил осуществить обмен научной информацией между представителями научных центров Сибири и России по вопросам языковой политики в части сохранности языков и культур коренных народов, по актуальным направлениям исследований в области семантики и структуры их языков, инновационных методов их изучения в школе и вузе. Организаторы научного семинара выражают всем участникам глубокую благодарность за вклад в поиск решения актуальных проблем сохранения этнокультурного и языкового наследия Сибири.

Сведения об авторах:

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: tamarabee@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Bio Notes:

Tamara G. Borgoyakova is a Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute for Humanitarian Research and Sayan-Altai Turkology, Professor of the Department of Foreign Linguistics and Theory of Language, Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia. E-mail: tamarabee@mail.ru

Aurika V. Guseynova is a Candidate of Philology, Senior Researcher at the Institute for Humanitarian Research and Sayan-Altai Turkic Studies, Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-322-325

Report

“Language in Culture and Society”: VIII Annual Conference

Sh.A. Kulieva

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Article history:

Received: 14.06.2021

Accepted: 10.07.2021

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kulieva, Sh.A. 2021. “Language in Culture and Society”: VIII Annual Conference”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (3), 322–325. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-322-325

Сообщение

«Жизнь языка в культуре и социуме»: VIII ежегодная конференция

Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

© Kulieva Sh.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.06.2021

Дата принятия к печати: 10.07.2021

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кулиева Ш.А. «Жизнь языка в культуре и социуме»: VIII ежегодная конференция // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 322–325. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-3-322-325

On May 28–29, 2021, the Department of the Russian Language and Intercultural Communication (Peoples' Friendship University of Russia), together with the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, held an Annual International Scientific and Practical Conference “Language in Culture and Society”.

The problems that are subject to comprehensive scientific understanding and fruitful discussion at the conference are of fundamental importance for understanding the linguistic processes taking place in modern society. What transformations have affected the linguistic personality of the speakers of the Russian linguistic consciousness in the context of the global metasocium, and how does this affect their identity? Are we able to offer an adequate toolkit for recording and describing these changes? What is the specificity of constructing linguistic and non-linguistic consciousness in a synchronic aspect? What are the most relevant trends today in Russian studies, psycholinguistics, communication theory, linguistic conflictology and other disciplines that have gone beyond the immanent knowledge?

The conference not only provides the scientific community with a contest platform for discussing these issues, but also produces new knowledge focused on solving practical problems. The geography of its participants from year to year becomes only wider, which indicates the importance of this event for Russian science — and world science in general.

Humanity exists not so much in the objective world as in the verbal world. Communication through the Word is the privilege of Homo Sapiens. However, it should be recognized that this communication is currently undergoing significant changes. Modern society is developing under the conditions of large-scale technical progress, which makes it possible to overcome colossal distances in the shortest possible time. The Internet is becoming a global communicative space in which new forms of speech interaction — specific virtual genres — appear. Language is a dynamic phenomenon that transforms in the conditions of the environment in which it exists. This environment, in turn, is society, the development of which feeds the language system with new facts of reality. In the works of many authoritative researchers (N. Luhmann, M. Castells, M. McLuhan, J. Sempsey, A. Touraine, J. Habermas, U. Eco) society is presented as a world of communication, in which new information tools become one of the most important orientation instruments of a person in the world and the interaction of people with each other. At the same time, the new communicative environment imposes its own unique imprint on the past types of communication. All this takes place at the level of an extralinguistic context. Even more important paradigmatic shifts have affected our linguistic consciousness — a

phenomenon that seems to be a much more difficult and exciting task to describe and comprehend. And, we emphasize, epistemologically important.

Welcome speech by Doctor of Philology, Professor **E.F. Tarasov**, and Doctor of Philology, Professor **V.P. Sinyachkin**, had started the scientific event.

The plenary session was opened by the Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Psycholinguistics and the Sector of General Psycholinguistics of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences **E.F. Tarasov**, whose report was devoted to a systematic approach to the analysis of speech processes in the theory of speech activity. **N.V. Ufimtseva**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Ethnopsycholinguistics Sector of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, spoke about how the linguistic consciousness of Russians is changing in dynamics and what is the variability of these changes. **T.D. Martsinkovskaya**, Doctor of Psychology, Professor, Director of L.S. Vygotsky Institute of Psychology (Russian State University for the Humanities, Moscow), devoted her research to understanding the phenomenon of linguistic identity in the transitive world.

A.V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Moscow International Academy, Moscow, analyzed the situation of globalist standardization of humanitarian knowledge as the cause of controversy in scientific discourse. The problem of functional and cultural illiteracy was linked by **V.V. Krasnykh**, Doctor of Philology, Professor of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow. **I.A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Center for Communication Research, Voronezh State University, Voronezh, spoke about the issue of the false meanings formation in the language consciousness of a native speaker. **I.V. Shaposhnikova**, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, was devoted to the scientific understanding of the image of the human world and the ordering of vocabulary on the model of the associative-verbal network. **M.R. Zheltukhina**, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Research laboratory “Discursive Linguistics” of the Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, focused her speech on the problems of axiological linguistics on the example of British and German media translation of the image of Russia and analysis of the mechanisms of value factors of influence.

Sectional sessions of the conference were devoted to a wide range of problems relevant to modern philology.

So, section 1 under the direction of **E.F. Tarasov** and **I.V. Zhuravlev** was devoted to linguistic and non-linguistic consciousness, in particular, to the problems of ontology and epistemology. Speakers discussed such fundamental issues as ethnoregional identity in the linguistic consciousness of the residents of the Republic of Khakassia (**T.G. Borgoyakova**, **K.A. Pokoyakova**, Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan), the specificity of dominant evaluative meanings (**I.A. Bubnova**, Moscow State Pedagogical University, Moscow, **D.V. Gorokhova**, Odintsovo branch of MGIMO State University, Odintsovo), strategies for updating a fragment of the linguistic consciousness of Russian speakers (**L.O. Butakova**, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk), everyday semantisation of common vocabulary (**E.N. Guts**, Dostoevsky Omsk State University, Omsk), actual variants in the speech of young people on the example of

semantic pairs, semantics of names, methodology of modern psycholinguistics (E.A. Dyakonova, Voronezh State University, Moscow, S.V. Evdokimova, RAS, Novosibirsk, I.V. Zhuravlev, Institute of Linguistics RAS, Moscow).

On the first day, there were such sections as “Ontological and epistemological aspects of the formation of a professional image of the world” (headed by S.V. Myskin); “Dynamics and variability of the linguistic picture of the world (everyday linguistic consciousness) of modern speakers of the Russian language / culture” (moderators N.V. Dmitriyuk, N.V. Ufimtseva); “Conflict-related elements of the modern linguistic picture of the world” (moderators A.A. Romanov, N.P. Peshkova); “Psycholinguistic analysis of media content in a multimodal aspect” (supervisor M.A. Pilgun). The second day of the conference was devoted to the work of the sections “Speech communication: problems of analysis” (supervisors A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasov); “Bi-, poly-, translingualism: theoretical analysis and practice” (supervisors M. Debrenn, D.B. Nikulicheva); “Text, pretext, intertext, hypertext: problems of analysis” (moderators D.V. Makhovikov, I.V. Vashunina); “Values of modern Russia in psycholinguistic research” (supervisors V.A. Ilyina, E.F. Tarasov).

Much attention at the conference was paid to the work of Round tables, where participants could exchange scientific opinions and in a discussion format. The Round tables focused on various sets of problems: “Interdisciplinary paradigm in the study of children’s speech: the norm and deviations” (supervisors Yu.O. Filatova, L.I. Belyakova); “Russian Psycholinguistics: Results and Prospects” (supervisor E.F. Tarasov); “Features of the linguistic consciousness of the inhabitants of the Crimea” (moderators N.V. Ufimtseva, O.V. Balyasnikova); “Linguistic Identity: Interdisciplinary Research” (supervisors D.A. Khoroshilov, E.S. Oshchepkova); “Speech and processing of auditory information in health and disease” (supervisor T.V. Akhutina).

At the close of the conference, the results of the work were summed up and the prospects for further research were identified. Over the eight years of its functioning, the conference has qualitatively transformed: from the particular problems of psycholinguistics, scientists have come to a discussion of such topical problems as bilingualism, translingual literature and language education, which will provide it with even more participants and international prestige.

Bio Note:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: shekkul@mail.ru

Сведения об авторе:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)